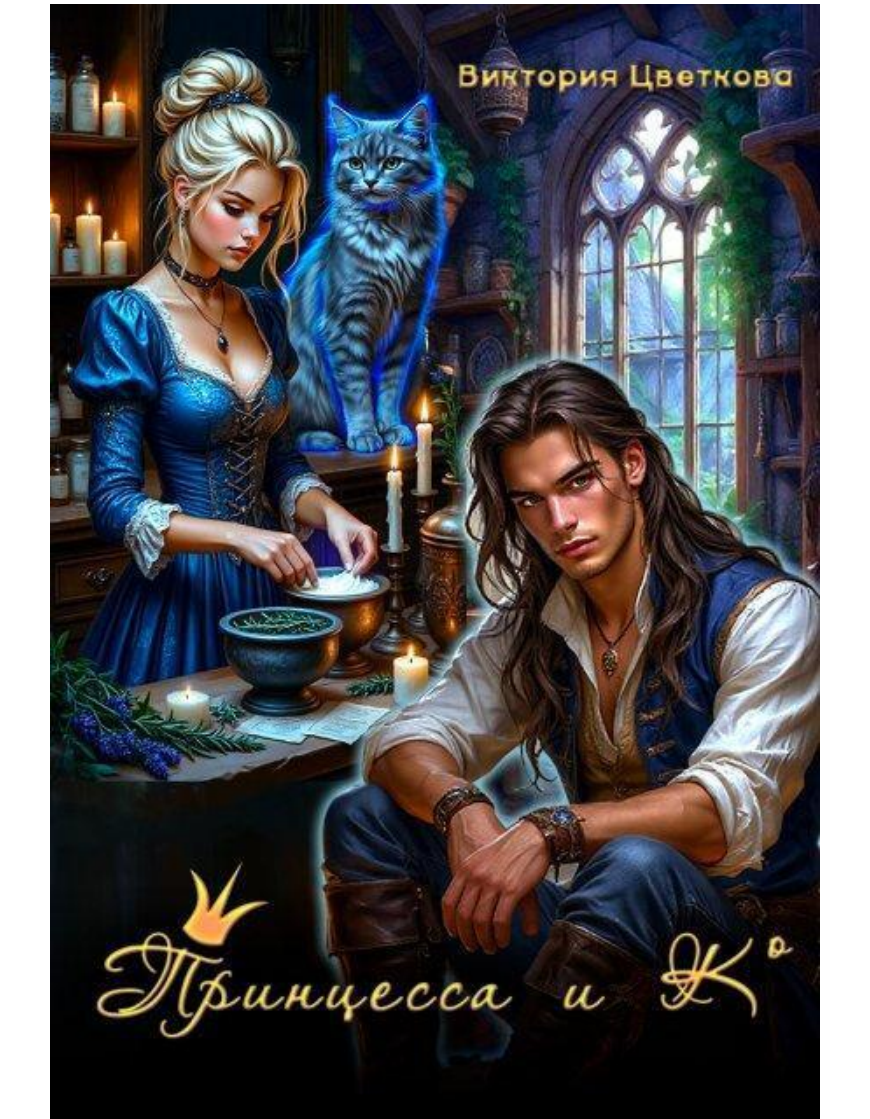

Виктория Цветкова

Принцесса и К^о

Виктория Цветкова

Принцесса и Ко

<https://litres.ru/74238254>

Аннотация

Тера из тех, кто смело несется к своей мечте через океан препятствий и невзгод. И никакие надменные красавцы-герцоги ей не помеха! От бесприютной сироты до владелицы процветающей фирмы. «Принцесса и Ко» — лучшие средства для ухода за кожей по обе стороны от Алмазных гор!» Слыхали? Нет? Тогда мы идем к вам!

☺ Неунывающая активная героиня с редким талантом; ☺ Надменный властный герцог; ☺ Забавный фамилльяр; ☺ Загадки запрещенной магии; ☺ Заслуженный хэппи-энд;

Однотомник. Читается отдельно от цикла. ♥#Спасибо за комментарии и оценки — они дороги автору!♥#

Содержание

1	5
2	10
3	15
4	20
5	25
6	30
7	35
8	41
9	46
10	53
11	58
12	64
13	69
14	75
15	81
16	86
17	91
18	96
19	101
20	106
21	111
22	117
23	122

— Лучшего предложения ты, сирота, не получишь.

В приемной Государственной женской школы магических ремесел противно тикали часы. Я подавила зевок. Неблагодарно с моей стороны? А вы сами побудьте с лейром тэ'Скуби наедине хотя бы пять минут! Впрочем, есть вероятность, что в моей неожиданной сонливости виновна вовсе не скука, а вчерашняя вечеринка в честь окончания курса. Я вздохнула и окинула взглядом навязчивого родственника.

— Замуж я пока не собираюсь, дядюшка.

Лейр тэ'Скуби, рассеявшийся на деревянной скамье, как ни посмотри, не казался таким уж завидным женихом. В старомодном сюртуке, застегнутом под гладковыбритый тройной подбородок, с тонкой тросточкой по причине хромоты. Нет, его нельзя назвать хотя бы сносным на вид. И даже двадцать тысяч леев годового дохода не компенсируют того факта, что он уже похоронил двух жен. По крайней мере, в моих глазах это последнее перевешивает любые аргументы «за».

Разговорами о браке дядюшка Скуби донимает с тех пор, как мне исполнилось шестнадцать. Несмотря на стойкий отказ, почтенный торговец мехами не теряет надежды, что я таки поумнею и сдамся. Дважды в год он приезжает в наш маленький славный городок Стэво на ярмарку. При этом считает своим долгом проведать меня и сделать предложение.

И сегодняшний визит лейра не стал для меня сюрпризом, ведь завтра открывается осенняя ярмарка. Напрасно я пыталась уговорить директрису солгать, что меня нет. Эта добрая женщина искренне полагает, что выскочить за пожилого лейра — верх карьеры для «государственной» сироты. Она настояла, чтобы я оставила подруг и спустилась в приемную.

Казалось бы, чего проще — получить обычное «нет» и распрощаться? Но сегодня дядюшка продолжал греть скамейку в стремлении убедить меня пожертвовать своей молодостью, ради сытного куска хлеба в его доме. Понимает, что сегодня мой последний день в стенах этого замечательного учебного заведения, и другой удобной возможности ему, может, не представиться.

— Думаешь, я слишком стар? Но я еще крепкий мужчина, поверь! А ты ни в чем не будешь знать отказа...

Я повела плечами, насильно стряхивая сонное оцепенение.

— Ваши жёны, они ведь были намного моложе вас, дядюшка?

Кустистые брови лейра насупились. Откровенный намек на то, что старик прежде времени уже сжил со свету двух несчастных, явно пришелся против шерсти. Впрочем, Скуби тут же вернул на лицо маску спокойствия.

— У тебя дерзкий язычок, Тера, — проскрипело это морщинистое чудище. — Но мне это даже нравится. Думаю, и характер под стать!

Он привстал и хотел игриво зацепить мой подбородок скрюченным, узловатым пальцем, но я отпрянула и на всякий случай отпрыгнула подальше. Не желая быть грубой, постаралась выговорить как можно более дружелюбно и вежливо:

— У меня совсем другие планы, лейр. Прощайте, надеюсь, вы еще встретите ту, что согласится разделить с вами жизнь.

— Что ж, как знаешь, — мне достался колкий, холодный взгляд. — Но не думай, что все будет так, как хочешь. Я привык добиваться своего. А ты крепко засела у меня в сердце, девочка.

Ну что тут скажешь? Я могла только мило улыбнуться, демонстрируя ямочки на румяных щеках. Смотри, как бы я не оказалась у тебя в печенках, дядюшка! Здоровая печень гораздо нужнее в твоём возрасте, чем любовь к восемнадцатилетней девушке, ха-ха.

Взбегая по лестнице на этаж общежития, я с нежностью коснулась рукой стены. За шесть лет школа стала родным домом. Казенное заведение, в основном предназначенное для одаренных магией сирот. Строгая, почти скудная обстановка. Стены окрашены в гадкий серо-желтый цвет словно нарочно, чтобы гасить жизнелюбие и радость. И все же и первое, и второе в немереном количестве присутствует в нас, воспитанниках школы — будущих зельварах, помощниках целителей, травниках и письмоводителях.

В нашей комнате меня снова обступили соседки. Шесть лет бок о бок. Было всякое — и ссорились, и гадости друг дружке делали. Но сейчас расстаемся, и слезы наворачиваются на глаза, едва подумаю, что больше не увижу дылду и зазнайку Рамону, а также ветреную и смешливую Таю.

— Принцесса, только не забывай нас! — твердили они, пока я записывала в книжицу их домашние адреса.

— Да разве вас позабудешь? А кто помогал мне готовить настой из снежного раваса для наставницы по магматематике, после чего та позеленела?

Мы рассмеялись, вспоминая общие шалости, но на лице Кэрри застыло горестное выражение. Она на лекарском отделении, и бедняге еще два месяца учиться до диплома. Я крепко обняла лучшую подругу.

— Ничего, потерпи до выпуска, Кэр! А потом приедешь ко мне в Винсент и войдешь в долю, как мы и договорились!

Брюнетка с огромными зелеными глазами повеселела и вытерла слезы, а я раздала младшим девочкам свои конспекты, сохранив лишь тетрадку с рецептами по зельеварению. Прощай, зубрежка! Я буду скучать и по нашей комнате с видом на облезлую стену, и по своей кровати в углу с комковатым матрасом. Эту ночь проведу на постоялом дворе, чтобы поспеть к утренней почтовой карете, которая унесет меня на юг Ильса в замечательный и незнакомый город Винсент. Новые люди вокруг, собственная лавка (ну хорошо, не собственная, а лишь снятый по переписке внаем закуток) и са-

мостоятельная, счастливая жизнь! И это только первый этап жизненного плана, который я разработала.

Будущее казалось ровной широкой дорогой под безоблачным небом. Эх, позабыла я любимую поговорку нашей директрисы: человек предполагает, а Шандор располагает.

Дорогие читатели, приглашаю вас отправиться на юг королевства Ильс в гости к весьма энергичной особе. Впереди ждут приключения и тайны прошлого, забавный фамилльяр, а также своенравный герцог, во владениях которого ожидаются вспышки потусторонней и запретной магии, безобразия и хаос. В общем, отправляемся :)

А неприятности начались сразу, как только ворота школы захлопнулись. Едва успела вдохнуть терпкий осенний воздух — воздух свободы, как ручка моего небольшого сундучка не выдержала и отвалилась. Лишь чудо помогло сундуку не ухнуть на камни мостовой, а ведь среди вещей упакован набор хрупких фигурных фиалов для духов — подарок от наставницы по зельеварению мне, как лучшей выпускнице.

Порывистый ветер гнал по мостовой сухие листья. Прохожих в этот послеобеденный час было мало, несколько зевак торчало возле питейного заведения на углу — судя по шуму, внутри начиналась драка.

Я подхватила багаж под мышку и зашагала по узкой улочке к постоялому двору, возле которого в нашем городке останавливается почтовая карета из столицы. Ноша оказалась не то чтобы по-настоящему тяжелой, но весьма неудобной, и через короткое время я почувствовала, что рука, обхватившая деревянный бок сундука, онемела и отчаянно ноет. Пользуясь тем, что спешить мне теперь некуда, решила сделать привал. Тут как раз и удобное местечко возле заброшенного дома обнаружилось. Большой неухоженный сад был обнесен кирпичной оградой высотой мне по пояс. Я пристроила на нее свой багаж и уселась сама, разминая уставшую руку.

Сценка возле бара, который остался уже позади, набирала обороты драматизма — из гостеприимно раскрытых дверей, стуча сапогами, на мостовую вывалилась парочка сцепившихся завсегдатаев. Публика реагировала довольно сдержанно и даже как-то устало.

Я отвернулась к тронутому первой осенней непогодой саду — зрелище гораздо более приятное. Некоторые деревья уже щеголяли в золотом уборе, освещая мрачный день, словно залитые солнцем. Об этом саде, как и о доме, что скрывался за пышными кронами, воспитанницы школы слагали легенды одна страшнее другой. Поговаривали о духах, мелькающих среди ветвей, о странных людях, которых видели возле дома в темное время суток. Я, как и подруги, сторонилась этого места, однако сейчас не находила здесь ничего злоеющего. Подумаешь, дом, в котором давно никто не живет, и заросший сорняками сад. Чего только не выдумают от безделья! Хотела отвернуться, чтобы проверить, как там пьянчужки, однако тут в зарослях мелькнула темная тень. Я толком даже не разглядела, что там, но почувствовала, как каждый волосок на затылке встает дыбом.

Спрыгнула с ограды и положила руку на драгоценный багаж, готовясь подхватить его и убраться как можно скорее. Разумеется, все это я проделала, не отрывая глаз от подозрительных кустов. И тут совсем рядом со мной раздался странный звук.

— Ммяууу! — это прозвучало ворчливо и недовольно.

Я подпрыгнула и в страхе уставилась вниз. Возле моих ног устроился здоровенный зверь неизвестной породы и смотрел мне прямо в глаза. Уши торчком (правое кем-то погрызено). Впечатляющей длины хвост. Плоская морда с длинными, торчащими в стороны ниточками усов. Темная пушистая шерсть выглядела клочковатой и пыльной. Сам зверь показался мне жалким и уродливым, только глаза были невероятно прекрасны — миндалевидные, золотые, с узким зрачком. Наверное, какой-то родственник диких зар, только поменьше да шерсть погуще и более пушистая. Но лесные зары ведь свирепые хищники джунглей. Откуда здесь, в сорока километрах от столицы Ильса дикое животное из тропиков? В легкой панике я оглянулась на питейное заведение, но там веселье уже закончилось, и народ разошелся по своим делам.

— Мяуу! — требовательно произнесло существо и, окинув меня недовольно-высокомерным взглядом, подошло ближе и потерлось о мою юбку. Я отскочила, подхватив подол, но бежать не спешила. Во-первых, с тяжелым сундуком под мышкой все равно быстро не сбежишь, а, во-вторых, кажется, этот зверек не думает нападать и даже пытается проявить дружелюбие. Мне приходилось слышать, что дикие звери от голода иногда приходят в города, к людям, в надежде найти съестное.

— Есть хочешь?

Зверь коротко мякнул, и я полезла в сундучок. Там сверху лежал тщательно упакованный сверток с едой на дорогу. Я

торопливо развернула пакет и сняла с бутерброда кусочек ароматной колбаски.

— На, питайся, животинка! — Протянула угощение и боязливо поджала пальцы, когда в них ткнулся холодный, мокрый нос. Опустила ломтик на землю и с невольной улыбкой понаблюдала, как зверь пружинисто вскочил, задрал хвост и, довольно урча, принялся уписывать колбасу.

Так и есть, голодный. За первым куском последовал второй, и вскоре мой роскошный бутерброд превратился просто в ломоть хлеба. Ничего, обойдусь — много есть вредно для фигуры, как говорила повариха в школе.

Убедившись, что мяукающему зверю больше не грозит голодная смерть, подхватила свой сундук и потихоньку побрела дальше.

Миновала почтовое отделение и банк и, наконец, вышла к оживленному перекрестку. Неподалеку шумела рыночная площадь, там уже устанавливали пестрые, ярмарочные павильоны. Мимо сновали прохожие, по мостовой, гроыхая, тянулись фургоны с запряженными в них четверками наалов.

Едва перебралась на другую сторону, удачно избежав попадания под колеса, ко мне подошел бедно одетый мальчик лет двенадцати. Он выглядел, как уличный воришка, и я покрепче прижала к боку свой неудобный сундук, радуясь, что Кэрри убедила меня спрятать кошель со сбережениями в корсаж.

— Эй, госпожа, вас не Терой Эдденби кличут?

Такого вопроса я никак не ожидала. Откуда ему знать мое имя?

— А если так, то что?

— Вас спрашивает господин из той кареты.

Мальчик указал на другую сторону улицы. У обочины нетерпеливо вытягивали длинные, тонкие шеи крупные наалы, запряженные в закрытую карету. Кучер в сером плаще клевал носом на козлах. Зашторенное окошко не позволяло рассмотреть пассажира, но я была уверена — внутри дядюшка Скуби. Больше меня здесь по имени просто никто не знает. Скорее всего, увидел меня и прислал этого малого. Но ничего нового лейр не скажет, нечего и время терять. Единственный родственник не дал ни гроша на мое воспитание, благодаря чему меня и записали в «государственные» сироты. Так что я ничем ему не обязана.

— Вот еще!

Хотела проследовать дальше, но парнишка заступил мне дорогу, размазывая слезы по грязным щекам.

— Господин в экипаже обещал полтинник, если приведу вас. Прошу, добрая госпожа, ради Светлых дев, просто подойдите туда, и я получу свои деньги. У меня больные сестренка и мать, нам так нужны эти хилдо! Ну что вам стоит?

Хм, ну если вопрос ставится так, то, кем я буду, пройдя мимо? Врет парень или нет, как узнаешь? А совесть потом съест за то, что не помогла в беде.

Есть, конечно, вариант раскошелиться самой. Руки тут же

зачесались достать из кармана монетку или даже несколько. Но ведь у меня все рассчитано до хилдо, а остальное запря-
тано глубоко в корсаже и не подлежит трате ни в коем случае. Двадцать золотых отложено на билет до конечной остановки, два лея шестьдесят хилдо — на ночевку. И еще пара серебряных полтинников на всякий случай. И ведь эти деньжищи я не печатаю! Заработала сама — по грошику, бессонными ночами составляя кремы и притирания на продажу. Отдам деньги мальчишке и придется ночевать в общей зале или, того хуже — ехать на открытой всем ветрам крыше. Ой, нет!

Я перехватила сундук другой рукой и решительно перешла дорогу, обходя карету сзади. Подошла к распахнутой настежь дверце, ожидая увидеть желтоватое лицо дядюшки. И немного опешила, потому что никто не ответил, даже когда я осторожно постучала по дверце.

— Дядюшка?

Нетерпеливо приподняла кожаную занавеску, но экипаж был пуст. Этот малый разыгрывает меня, что ли? Хотела обернуться и поинтересоваться у паренька в чем дело, но сзади прилетел удар, и в глазах резко потемнело.

Очнулась — наверное, через несколько минут — от тряски и грохота колес по мостовой. Голова все еще гудела. Не сразу осознала, что лежу на полу кареты, несущейся во весь опор.

Что случилось? Где я?

Каждый толчок ощущала всем телом. В бок упиралось

что-то твердое. Осторожно приподняла голову и попыталось оглядеться, но мешала темная, грубая мешковина, которой я была обмотана. Руки сдавливала веревка; я застонала, пытаясь лечь поудобнее, но ничего не получилось.

Ясно одно: меня похитили и везут куда-то. Не это ли имел в виду дядюшка, когда пригрозил, что не отступится? Старый негодяй! Да я его засужу! Для купца его уровня жалоба в магистрат на похищение страшнее смерти — на уроках торгового права нам рассказывали о важности сохранять честное имя.

Удивительно, но страха не было и в помине, только ярость — зато такая ослепительная, что в моем темном мешке словно просветлело. Попробовала повернуться, но меня тут же ощутимо ткнули башмаком в бок.

— Очнулась, вот и ладненько. Лежи себе тихо, девка, — просипел чей-то хриплый бас. — И не вздумай орать!

Я замерла, пораженная открытием. Это не дядюшка! И кто бы ни был этот похититель — воспитанностью он не страдает.

Ну, лейр тэ'Скуби, это уж слишком! Сам на преступление не решился (еще бы, куда этому слизняку!) и нанял бандитов! Подлый трус! Нечего его жалеть — настойка на лептуре четыреххвостной поможет вернуть здравомыслие! Конечно, если оклемается после расстроя кишечника. Похититель тхаров!

Тем временем карета пошла ровнее и перестала прыгать

на брусчатке, пересчитывая мои бедные косточки — видимо, выскочила на проезжий тракт. Только куда меня везут? Неужели в усадьбу дядюшки?

Мне все-таки удалось извернуться и перекатиться на бок. Теперь я могла хотя бы попытаться развязать руки. Осторожно, чтобы не привлекать внимания здоровяка в железных башмаках, подняла онемевшие запястья, стараясь дотянуться до крепкого узла.

И тут где-то рядом с моей головой послышалось глухое рычание. Я застыла, забыв даже, как дышать. Надеюсь, это зловеющий храп похитителя — иначе звук объяснить невозможно. Но рык нарастал, а затем вдруг перерос в грозное завывание:

— Мра-а-а-у-у-у!

Что?! Знакомые нотки! Но откуда тут зверек, похожий на дикую зару? На секунду я усомнилась, что действительно слышу его. Что, если удар по голове был сильнее, и я брежу наяву?

В это время в карете творилось непонятное. Бандит вдруг тоненько вскрикнул и захрипел:

— А-а-а! Чур меня, чур! Ч-ч-то ты... такое? Изыди! — и столько ужаса было в его голосе, что я невольно сжалась от страха. Что он такое увидел? Неужто здоровенный громила в железных башмаках и с грубым голосом испугался хищного зверька среднего размера?

На секунду все стихло, даже утробное рычание. А потом

монотонный шорох колес нарушил треск, а следом звон разбитых стекол. Скрипнули замки и петли, в карете вдруг стало светло, и даже сквозь душную мешковину я ощутила холодок осеннего ветра. Мне захотелось поджать ноги и целиком спрятаться в мешок — на всякий случай, мало ли что!

Что же там происходит, а? И чего на самом деле он испугался? Было и интересно, и страшно.

Карету тряхнуло, в затем она резко остановилась. Рычание и вой, как и крики ужаса, возобновились, но уже в отдалении. Послышался глухой дробный топот, словно кто-то убегал по траве.

— А-а-а! Да это сам Тхар! — к задышающемуся хрипу похитителя добавился не менее пропитый баритон — очевидно, его напарника. — Светлые девы, я не хотел ничего дурного! А-а-а...

Полные паники крики удалялись от кареты. Я замерла, ни жива ни мертва.

Снаружи нудно завывал осенний ветер, других звуков слышно не было.

Валяться на полу кареты смертельно надоело, и я — вначале несмело и таясь, а затем все энергичнее — принялась избавляться от мешка, накинутого на голову и плечи. Если похитители, и правда, бежали в страхе перед внезапно объявившимся в карете монстром, то хотя бы взгляну на него перед тем, как он меня сожрет. Иначе меня сожрет любопытство!

Кое-как освободилась от душной мешковины и отбросила ее на сидение. Карета и так была не слишком-то новой, и разодранная кожаная занавеска, как и разбитое оконце, ее не украсили. Дверца была распахнута настежь, в проем виднелись порывшиеся поломанные кусты за дорожной канавой, а дальше поднимался темный хвойный лес.

Спрыгнула с подножки и обошла экипаж кругом. В багажном отделении сзади обнаружился мой сундучок, что несказанно меня обрадовало. Признаюсь, меня тревожило исчезновение багажа, ведь скромные накопленные средства я планировала потратить исключительно на закупку необходимых ингредиентов и оборудования. Убедившись, что подарочные флаконы целы, я подошла к наалам, которые спокойно щипали травку у обочины. Поджарых чешуйчатых ящеров со-

вершенно не встревожило внезапное бегство возницы.

Что ж, я как будто свободна. Встает вопрос о возвращении в город. Как это сделать? Разве что остановить попутную карету, все объяснить и попросить помощи? Но, к моему огорчению, тракт был пуст, а ведь каждую секунду похитители могли передумать убегать от монстра и вернуться. У меня довольно сильная стихия воздуха, но остановлю ли я этих мужланов? Я ведь всего лишь зельевар, а не боевой маг. Что делать?

Я неловко подобрала брошенные вожжи, не особенно представляя, как с ними управляться. И вряд ли кто-то способен править четверкой наалов со связанными запястьями! Хотя нет, как-то нам с Кэрри удалось сбежать из школы на городскую ярмарку, там в цирковом балагане я подобный трюк видела, но повторить его не рискну.

Кусты зашуршали. Жухлая листва все еще держалась на ветвях, и для меня оставалось загадкой, кто протискивается сквозь заросли. Судя по звукам, ломился кто-то крупный и грузный. Неужели возвращается бандит в железных башмаках? Я напряглась, готовая бросить воздушный аркан, чтобы задержать здоровяка хотя бы на время — а там, может, договорюсь. Но ни один листок, ни одна травинка не шелохнулись, когда из кустов грациозно выскользнул тот самый зверек, которого я покормила возле заброшенного сада.

А кто же трещал сучьями и грузно топал? Я с тревогой прислушалась, но, кроме шуршания ветра в кронах, других

звуков не было.

Гордо посматривая по сторонам, небольшое облезлое чудище шествовало так торжественно и важно, неся за собой хвост, словно зная, что я едва сдержала смех. За это мне достался строгий взгляд миндалевидных янтарных глаз. Достигнув неширокой канавы, зверек ловко перемахнул через нее и оказался рядом с каретой.

— Как хорошо, что ты не потерялся! — воскликнула я, искренне радуясь при виде симпатичной усатой морды. В ответ раздалось отчетливое фырканье. — Надеюсь, бандиты не скоро вернутся. Это ты их напугал? Но как? Ты совсем нестрашный. Наоборот, ужасно милый! Вот бы мне так научиться!

Зверь вспрыгнул на козлы и принялся старательно вылизывать переднюю лапу. Так и не решив толком, что делать, я устроилась рядом, все еще не выпуская из рук вожжей.

Веревка основательно натерла мне запястья. Я осмотрела узел — чтобы развязать такой зубами, потребуется уйма времени. А между тем мой четвероногий избавитель оторвался от своего занятия и вдруг ударил по веревке когтями внушительной длины. Слово ножом перерезал, и путы свободно разошлись.

— Вот это да! А что ты еще можешь, удивительное создание? Мы должны вернуться в город. Четверкой наалов управлять умеешь? — Зверь снова глянул на меня, на сей раз просто уничижающе. Ну да, люблю задавать глупые во-

просы. — Вот и я не умею.

В это время один ящер из первой пары наалов оторвался от сочной придорожной поросли, чутко поднял голову и вздрогнул. Остальные тоже заволновались. Я чуть не уронила вожжи, когда четверка вдруг сорвалась с места и помчала по дороге, набирая ход.

Дух захватило не только от скорости, но и от ветра, ударившего в лицо и мигом растрепавшего мои белокурые локоны.

— Эй, куда? Стэво в противоположной стороне! — закричала я.

Но кто меня слушал? Наалы мчали ровным галопом, из-под когтистых лап вилась дорожная пыль. Мне оставалось только ждать, когда они устанут, и надеяться, что хотя бы это их остановит.

Наскоро соорудив защиту от встречного ветра, я намотала вожжи на запястья, как заправский кучер. Зверь разлегся на полсиденья рядом и надзирал за мной и упряжкой, чуть прищулив свои удивительные глаза.

Через некоторое время на обочине мелькнул дорожный указатель — деревянный щит, на котором было начертано «Винсент 250». Двести пятьдесят километров до Винсента — крупного города на юге Ильса — цели моего путешествия. Я прикинула, что это примерно десять часов езды таким прытким ходом, как сейчас.

Нет, это невозможно далеко! Для опытного возницы по-

добный путь непрост, а для неумехи... Карета может перевернуться при повороте. Наалы выносливы, но выдержат ли они столько? Да и я неопытная путешественница. Целый день в дороге, а на место (если боги будут милостивы) мы прибудем поздним вечером, и ночевать придется перед воротами города.

С другой стороны, я уже начала этот путь, и все равно не знаю, как развернуть упряжку. Да еще и карету наверняка переверну при этом. Я потянула на себя вожжи — без толку. Да мне даже остановить наалов не под силу!

Я покосилась на своего спасителя, животное выглядел вполне довольным жизнью. А мне чего жаловаться? Сэкономлю на ночевке и билете на почтовую карету. Надеюсь, только с жизнью не расстанусь благодаря такой экономии!

Четвёрка наалов монотонно и ходко сокращала расстояние до заветной цели. Вначале я страшно переживала, что мы разобьёмся. Однако, наблюдая, как чётко и ловко ящеры входят в поворот, словно ими управляет бывалый возница, постепенно успокоилась и даже расслабилась. Объяснять природу данного феномена и не пыталась. Со мной сегодня произошло несколько событий, которые можно назвать словом «волшебство». Так чего удивляться?

Чудесный зверь, развалившийся рядом на сидении, пристально наблюдал за дорогой и одновременно умудрялся пошевеливать кончиком пушистого хвоста. Вот оно настоящее чудо! Уверена, это он управляет наалами. Ровный галоп ящеров — не плод моих дилетантских усилий. И, конечно, не сами ящеры — предоставленные себе, эти смирные травоядные так и будут целый день мирно щипать травку и таскать за собой карету по полям и буеракам.

Я растроганно смотрела на зверя. Наверное, если помыть и причесать шёрстку, он не будет выглядеть, будто вылез из помойки?

— Как тебя зовут? — полюбопытствовала я наконец. Знаю, разговаривать с животными глупо, однако в этом создании чувствовался немалый интеллект. А еще волновала тайна — откуда он, и как ему удалось прогнать похитивших

меня бандитов?

Кончик хвоста замер, словно помогая существу прислушиваться.

Перехватив вожжи одной рукой, я хотела провести ладонью по шерсти на загривке, но хвост недовольно застучал по скамье и моей юбке. Строгое «Мяу!» прозвучало, как явное «Нет!»

Руку я, разумеется, моментально отдернула, памятуя о кинжальной остроте когтей. Но из врождённой вредности продолжила докапываться:

— Отлично. Не представляю, что ты за зверь, но буду звать тебя Мяу. Согласен?

Зверь и ухом не повёл, только хвост продолжал метаться, демонстрируя дурное расположение духа. Однако я была довольна уже тем, что теперь у волшебной животинки есть имя. Потому что слово «существо», если задуматься, звучит довольно неуютно, словно речь о привидении. Мне хотелось коснуться Мяу в том числе и для того, чтобы убедиться, что он живой и тёплый, а рука не пройдет сквозь него. Впрочем, думаю, волнуюсь зря: хвост время от времени, задевая мой ногу, бьёт вполне ощутимо.

Еще два часа и осенний день начал тускнеть. Мы разминулись с парой повозок. Сказать, что возницы были удивлены, заметив девушку, якобы управляющуюся с четверкой, значит, бессовестно преуменьшить. У бедняг глаза на лоб лезли от изумления. Пассажиры карет тоже пялились на такую ди-

ковинку. А настоящее чудо распласталось на сидении, незаметное для посторонних.

Лес, который местные называют Сумрачным, кончился, теперь дорога бежала вдоль полей и фермерских усадеб. Мелькали трактиры и небольшие села. Здесь нас тоже не обделили вниманием, правда, только мальчишки. Моя персона их не заинтересовала, но удивила распахнутая дверца кареты, и они долго бежали за нами, пытаясь заглянуть внутрь.

Мелькнула табличка «Винсент 150». Впереди еще шесть часов непрерывной скачки, но сейчас я с оптимизмом и даже с азартом смотрела в будущее.

Едва выехали за очередное село, на этот раз довольно крупное, дорогу впереди перегородило нечто, похожее на клубящееся грозное облако. Наалы захрапели и шарахнулись было к обочине. Я крепко держала вожжи и, когда трянуло, чуть не вылетела на дорогу. К счастью, вовремя подвернулась ручка на стенке кареты. Краем глаза заметила, что Мяу впился когтями в кожаное сидение, но янтарные очи зверя безбоязненно смотрели на странное облако впереди. Ход наалов замедлился, и упряжка спокойно встала у обочины, не доежая пятисот шагов до странного явления.

— Что это такое, Мяу?

«Маууу!» — прозвучало, как «Отстань!».

Я закусила губу. Обидно все-таки, когда от тебя отмахиваются. Однако, тут же позабыла о досаде, потому что облако, до этого казавшееся скоплением частичек влаги или пы-

ли, вдруг засветилось. Зрелище жуткое, но и внушительное, словно сквозь тучи прорываются лучи мертвенного голубого света.

И вдруг до меня дошло, что это такое!

Навстречу нам из дорожного портала мчится почтовая карета, сокращая путь на десятки миль. Сияние усилилось, и вскоре показалась передняя тройка наалов, за ней еще одна и, наконец, вместительный экипаж с надстройкой империа-ла. Двое юнцов на крыше приветственно замахали мне и что-то прокричали. Миг, и карета промчалась мимо. Если бы не моя воздушная защита, мы бы в пыли утонули. Дорога впереди вновь простиралась до самого горизонта, преграждающий барьер рассеялся.

— Вот это да! Я тоже так хочу!

Мяу презрительно фыркнул.

— Знаю, знаю, у них там специальный артефакт. Но по-мечтать-то можно?

Меня не удостоили взглядом. Мой пушистый водитель вдруг спрыгнул на обочину и шустро зарысил к ближайшим кустам. И только в этот момент я осознала, что мы, наконец-то, остановились, а мне уже очень давно нужно м-м-м... в том же направлении. Я спрыгнула с козел. Привал, что может быть лучше после утомительной многочасовой тряски?

Через пару минут — чуть прихрамывая, охая и разминая спину — я вернулась к карете. Мяу уже занимал свое место. И вскоре мы снова мчались вперед и вперед. После отворо-

та на Спиноу — это родной город моей матушки, и здесь, насколько мне известно, обитает дядюшка Скуби — трасса стала оживленной. То и дело навстречу попадались экипажи. Пару раз высоко в небе проносились каррусы, а на горизонте мелькнули всадники на вердах — летающих ящерах. Чтобы не привлекать к своей особе внимания, я закуталась в плащ и низко надвинула капюшон.

На придорожном щите уже в сумерках разглядела табличку «Винсент 50». Сердце радостно забилося. Скоро, совсем скоро промчимся мимо места, которое я намерена когда-нибудь отвоевать!

Вскоре мы проскочили отворот на Гизетт и продолжали путь уже в густом мраке. Я зажгла фонарь, чтобы на нас никто не наскочил, но от него было мало толку. Дорога тускло мерцала под светом звезд, и, казалось, что мчимся не по земле, а по небу. От этого слегка кружилась голова, даже огоньки далеких поселений казались просто россыпью звезд.

Зато Мяу так же уверенно вел нашу упряжку вперед. Узкие щёлки зрачков расширились в темноте, вот и все изменение. Поигрывая кончиком хвоста, зверек неотрывно всматривался вдаль, и, внимательно наблюдая, я начала подозревать, что он видит гораздо больше, чем доступно человеческому взгляду. Это было и жутко, и интересно одновременно. Откуда такое чудо взялось? И что с ним делать, если он пожелает остаться со мной?

А между тем дорога становилась шире, то и дело попадались постоянные дворы. Насколько я знаю, город Винсент — приграничная крепость, потому ночью ворота в город на замке. Путешественникам лучше позаботится о ночлеге, чтобы не ночевать в чистом поле. Что касается меня, я бы предпочла ночевку в карете — из соображений экономии и не только. Посплю на жесткой лавке, ничего страшного. Наверное, в этих придорожных постоянных дворах запросят втридорога, а в результате получишь подобную же лав-

ку. А еще, слышала, грабят в таких местах. Говорят, попростишь приюта, а на утро без кошелька останешься, и благодари Шандора, что живой.

Но Мяу как будто и не думал останавливаться. В звездном небе уже показался далекий абрис мощных башен Винсента, а мы мчались и мчались вперед. По обочинам мелькали вереницы крестьянских подвод и фургонов, вероятно, ожидавшие рассвета, чтобы въехать в город на рыночную площадь.

— Не пора ли и нам остановиться, Мяу? В город нас сейчас никто не пустит.

На меня был брошен такой взгляд, словно зверёк сочувствовал скорбной на голову попутчице. Я покорилась. Ну, как его урезонить?

Впрочем, вскоре упряжка замедлила ход. Мяу оживился, и теперь больше смотрел не на дорогу, а куда-то влево — туда, где за кустами и редкими деревьями виднелись огни далекого селения. Едва показался отворот в ту сторону, зверек направил упряжку на заросший травой просёлок.

— Ты куда?

«Мауу!»

Снова это «Отстань»! Он другие-то слова знает? Грубиян!

— Куда ты меня завез? Я ведь, кажется, имею право голоса? Поворачивай на тракт, будем ночевать в карете.

Впрочем, я прекрасно понимала, что спорить и ругаться с бессловесным существом глупо. Ответь он мне, я от испуга, наверное, свалилась бы с козел. Но так надоел мерный стук

когтей наалов по утоптанной почве, что я была рада поговорить хотя бы сама с собой. И заодно дать понять существу, что нахожу это его «Мрау!» весьма грубым!

Скоро кусты закончились, начался лес, а дорога заметно сузилась, сомкнутые кроны деревьев скрыли звезды. Я плохо вижу в потемках, и то, что мы пробирались по ночному лесу, вовсе не радовало. Однако ехали мы недолго. Мелькнувший за стволами деревьев золотистый огонек и обнадежил, и встревожил одновременно. Хорошо, что здесь хоть кто-то живет, но встает вопрос: кто может жить отшельником в лесу? Первое, что приходит в голову: разбойник или ведьма.

Вскоре мы свернули на совсем уж узкую тропу. По бокам кареты хлестали ветки. Она вильнула пару раз и пропала у гостеприимно распахнутых ворот. Как только наш экипаж втянулся на просторный двор, обнесенный глухим забором, ворота с треском захлопнулись. Я не спешила спрыгивать вниз, всматриваясь в одноэтажный небольшой домик, сложенный из камней и крытый соломой. Окошки приветливо светились, но на порог хозяева не выходили.

— Мяу, ты уверен, что нас здесь примут? — спросила я у своего лохматого попутчика. Тот фыркнул и соскочил на землю.

— Примут, примут, девица! — проговорил (нет, почти пропел) чей-то голос в темноте. Мое ухо уловило нотки странного акцента.

Я вздрогнула и вгляделась в темную фигуру, выступив-

шую из мрака.

— Звездной ночи, вам госпожа!

— И тебе, красавица. Слезай, будь моей гостьей. Я позабочусь о наалах. Вижу, ты непривычная к такой работе.

Осторожно спустилась на землю — от усталости двигалась слегка заторможенно и сдерживалась изо всех сил, чтобы не охать и не хвататься за затекшую от тряской езды спину. Но мне совсем не хотелось утруждать пожилого человека лишней работой.

— Я вам помогу, только скажите, что делать.

Высокий старушечий смех прозвучал надтреснутым колокольчиком.

— Иди в дом, детонька, и странника с собой веди, а я уже справлюсь.

Чего-чего? Какого странника? Но объяснений не дождалась. В темноте зазвенела упряжь, наалы жадно тянулись к свежей травке у забора.

Требовательное «Маяяю!» прозвучало от двери в дом. Я обернулась. Зверёк жутковато светил на меня своими янтарными очами с порога. Увидев, что я направилась к дому, Мая не стал ждать: приподнялся на задних лапах и, навалившись на дверь передними, толкнул ее. Дверь со скрипом открылась — на землю упала полоска золотистого света, а следом наружу просочились изумительные запахи только что испеченной сдобы.

Задрав хвост, мой проводник храбро перепрыгнул высо-

кий порог, и я нерешительно последовала за ним.

Домик, сложенный из камня, внутри был отделан деревом. Миновав крохотную прихожую, где я оставила плащ, мы прошли в кухню, и я сразу же устремилась к висящему возле двери умывальнику. Избавиться, наконец, от дорожной пыли было невероятно приятно. Показалось, что даже часть усталости ушла и, вызывая теплый ветерок, чтобы высушиться без полотенца, я подмигнула своему пушистому приятелю.

— Тебе бы тоже не мешало умыться.

И что бы вы думали? Эта усатая морда обиженно отвернулась. Подумаешь, какие мы нежные!

Я подошла к очагу, где над жаркими углями в котелке томилось что-то вкусное. Присела на низкую скамеечку, наслаждаясь живым теплом огня. С улыбкой осмотрелась. В кухне ничто не сообщало о роде занятий хозяйки. Уютно, чисто, стильно. Стена возле очага расписана яркими крупными цветами и узорами. На полках начищенные до блеска котелки и кастрюли. Небольшой квадратный стол и две лавки. Ложки и ножи в глиняном горшке. Я почувствовала легкий укол разочарования. Домик посреди леса навевал мысли о темном колдовстве, связках летучих мышей и банках со змеиным ядом. А здесь все оказалось таким обычным! И всё же не следует забывать, что сюда меня привез не кто-нибудь, а

странный зверь, способный править четверкой наалов и так напугать отпетых бандитов, что те бежали в лес без оглядки.

Мяу забился в угол и водил лапкой по мордочке, время от времени смачивая шерсть узким шершавым языком. Умывается так? Хорошее дело. Только действуя подобным образом, он потратит на свою шубку несколько часов. Что, если немного помочь ему? Я призвала силу и, прошептав «Ferret ulta!» — заклинание бытовой магии для очищения, направила на зверька. Но едва пара светлых искорок коснулась черного от грязи меха, Мяу дернулся и, издав невероятный вопль, подпрыгнул метра на два и чуть не стукнулся о низкий потолок. На лету зацепился когтями за штору. Сорвал ее с окна. Запутался в ткани, покатался, немного злобно порычал и повыл. А потом, мигом располозовав занавеску острыми когтями, забился за умывальник, откуда злобно посверкивал на меня глазищами-блюдцами.

Я вскочила еще во время первой части этого представления. Вот уж никак не ожидала, что моя помощь вызовет такую реакцию!

— Я же просто хотела почистить твою шерсть! Это бытовая магия, совершенно безвредная.

Из угла раздалось злобное шипение, словно там пряталось с десяток гадюк.

Раздосадованная, я подняла лоскуты ткани с пола и осмотрела. Мда, занавеска погибла! Что скажет хозяйка, которая с такой любовью здесь все создавала?

Вскоре дверь открылась и в кухню вошла сухонькая старушка в пестром платке, повязанном по орочьему обычаю вокруг седой головы. Ее наряд показался мне весьма живописным — широкая сборчатая юбка и вышитая рубаха навыпуск с разрезами. Так крестьянки не одеваются, предпочитая платья с обязательными длинными фартуками на застежках. Смуглая кожа иссечена морщинами, но крупные черты лица сохраняли следы былой красоты. Но сильнее всего поразили меня ее черные, словно угли, глаза, они были не по-человечьи длинны и раскосы. Мне приходилось видеть орков в Стэво — это же приграничный городок, там кого только не встретишь, — несомненно, хозяйка хижины принадлежала к этой расе, а жители степей обычно не жалуют людей. Я с досадой мяла в руках испорченную штору.

— Простите, любезная хозяйка. Тут случилось небольшое недоразумение, и вот, — я с виноватым видом продемонстрировала оборванные лоскуты.

Загадочные черные глаза заискрились смехом. Старушка подошла и взяла у меня ткань. Обернулась к зверьку, нахохлившемуся в углу.

— Озорник ты, странник!

Погрозила длинным, костлявым пальцем, а после разложила ткань на столе и всего-то и сделала, что поводила по разрывам рукой. Я услышала тихое, напевное бормотание на странном гортанном языке. Хозяйка спокойно провела по ткани — легкие фиолетовые искры вырывались из-под ее ла-

дони, а лоскуты на глазах сходились, от швов не оставалось и следа. Через несколько минут мне с улыбкой вручили совершенно целую штору и попросили снова укрепить на карнизе, что я и сделала, взобравшись на стул.

А хозяйка уже буднично хлопотала у плиты, словно и не творила минуту назад совершенно невозможное волшебство. Но от меня так просто не отделаешься — любопытство сожрет меня, если упущу случай спросить:

— Скажите, а что за магию вы использовали?

Старушка на секунду замешкалась, но все же ответила.

— Это чары моего народа, дитя. У человеков они под запретом и названы кровавым даром, так что лучше не спрашивай, не то беда.

Я согласно кивнула. Так и думала. Про магию крови говорят всякое, и то, что она вне закона, правда. У меня мурашки по коже бегут от жутких историй об орках и жертвах их магии. В приграничье этой расой пугают детей. Но вот я впервые наблюдала эти чары в действии, и ничего злодейского не случилось. И от хозяйки маленького домика я совсем не чувствовала угрозы, только легкий ореол тайны. Может, не все с орками так однозначно?

А хозяйка споро накрывала на стол. Я выразила готовность помочь, и мне доверили тарелку с нарезанным хлебом. Вскоре у очага появилась мисочка с густыми сливками для Мяу, а на столе уже вился ароматный парок над рагу с грибами. Мы с хозяйкой, не мешкая, сели за стол, и только сей-

час отшельница завела обстоятельную беседу. Оказывается, у ее народа не принято ни о чем расспрашивать путника, не усадив за стол вместе с собой.

— Хлеб да соль, красавица! Я старая Сив, лесная травница. А кто ты, дитя?

Травница, да еще и из народа орков? Вот это да! Я подалась вперед, с новым интересом рассматривая старушку. Только сейчас заметила яркие амулеты, ожерельем свисающими с морщинистой шеи. Камешки с рунами, раковины, засохшие травы, искусно смотанные в кольца.

Я широко улыбнулась и представилась:

— Я Тера Эдденби, только что окончила курс зельевара и собираюсь открыть лавку в Винсенте. Буду готовить кремы и прочую косметику.

— Вот как? Лавку? Это хорошее дело. На рыночной площади, не так ли?

— Да, завтра в полдень договор аренды вступает в силу, — сообщила я, поглощая вкусные овощи. Краем глаза следила, как Мяу бочком подбирается к миске со сливками. — А что за травы вы собираете, Сив? Мне потребуются кое-какие ингредиенты.

Старушка важно кивнула.

— Травки у меня разные, волшебные и простые, на любой карман.

Я вздохнула. О магических растениях мне пока остается только мечтать. Бедняки не смогут купить крем с экстрак-

том эльфийского лотоса или сативии. Нет, для начала ограничусь недорогими составляющими, вкладывая весь талант, отпущенный мне Шандором, чтобы сделать себе имя среди как можно более широкого круга покупателей.

— Мой карман пока что рассчитан только на простые травы, уважаемая Сив. Зато мне много чего потребуется: нисса полевая, горная хоргона, земляной орех, цветы терлиции и дикой розы, плоды безвременника и снежный равас.

— Завтра подберем всё, что тебе нужно. А сейчас скажи, как ты познакомилась со странником?

Услышав, что говорят о нем, Мяу немедленно поднял голову от миски и важно сверкнул янтарными очами. На усах повисли белые капли.

Я кратко поведала авантюрную историю нашего знакомства. Пушистик спас меня от страшной участи. Только сейчас, рассказывая Старой Сив о наших приключениях, я впервые по-настоящему осознала, скольким ему обязана. Сморгнув слезу, посмотрела на наглющую морду, буквально излучающую самодовольство. Нет, ну каков! Я его благодарю, а он лопается от важности!

— А что это за зверь? — поинтересовалась я, понизив голос и наклонившись к травнице. — И почему вы называете его странником?

Старая Сив обменялась взглядом с Мяу и спешно поднялась:

— Поздно уже, дитя. Пойдем, я покажу тебе комнату.

Прошедший день выдался насыщенным и тяжелым. Я думала, усну, как только голова коснется подушки. Но не тут-то было. Набитый сеном тюфяк оказался непривычно мягким и жарким. В узкое оконце заглядывала голубоватая Тея. За деревянной обшивкой монотонно «тикал» жук-древоточец, а снаружи стрекотали цикады. Сон бежал от меня, утомленное сознание гонялось за обрывками мыслей и дорожных впечатлений.

Промучившись часа полтора, я решила, что хочу пить. Немного помедлив, поняла, что просто умру, если сейчас же не попью воды. Накинула платье, но обуваться не стала. Короткий коридор, куда помимо крохотной гостевой комнаты, выходила также спальня хозяйки, я пробежала на цыпочках, чтобы не будить Сив. Открыла дверь в прихожую и замерла в нерешительности — на кухне горел свет.

Разве хозяйка не спит? Сив говорила, что ложится рано. Однако, если сегодня это не так, ничего страшного — извинюсь и попрошу воды. Дверь в кухню была приоткрыта. Я осторожно шагнула в прихожую, но замерла, услышав тихие голоса. Мужской и женский.

Трусостью я не отличаюсь. До этого момента не знала за собой такого порока. Но вдруг стало очень не по себе. Когда останавливаешься в избушке посреди леса и неожиданно

обнаруживаешь, что помимо добродушной бабули-хозяйки здесь, оказывается, тайным образом проживает еще и неизвестный мужчина, в голову невольно лезут рассказы об убитых и ограбленных путниках.

Преисполнившись желания немедленно узнать, кто этот ночной гость и что замышляет, я подкралась к двери. Все время невольно прислушивалась к разговору, однако слова сливались в неясное бормотание. Лишь возле самой двери я расслышала, что звучит чужая речь. В принципе, это не удивительно, ведь моя хозяйка из орков. Почему бы единоплеменнику не забрести на огонек?

Однако проверять, так ли это, почему-то не хотелось. Одно дело — милая старушка, а другое — огромный грубый орк. А судя по рычащим ноткам мужчина был и огромным, и грубым. На светлых досках стены вдруг мелькнула тень: уродливая, горбатая, гигантская. И я позорно убежала обратно в спальню.

Сердце стучало, словно намеревалась оглушить меня. Прямо в платье я нырнула в кровать и накрылась одеялом с головой. Не то чтобы в самом деле почувствовала себя в безопасности. Но за двумя дверями стало как-то спокойнее. Я решила не спать, чтобы меня не застали врасплох. Некоторое время действительно чутко вслушивалась в скрежет древоточца, а потом звуки стали куда-то уплывать, и я провалилась в глубокий сон без сновидений.

Утро провозгласили крикливые ароды, что-то не поделив-

шие в птичнике. Я потянулась всем телом, чувствуя, что хорошо выпалась, и вдруг ощутила непривычную тяжесть на ногах. С недоумением взглянув на одеяло, обнаружила свернувшегося клубком Мяу.

— Светлого дня, — поприветствовала его я, пытаюсь вытащить ноги из-под тяжелой тушки. — А как ты сюда попал? Дверь ведь была закрыта.

Заостренные ушки чутко дрогнули, но головы это странное создание не повернуло. И отвечать мне, разумеется, тоже никто не собирался. Я поднялась и, разгладив бытовой магией платье, принялась натягивать чулки. Мяу удалился по своим загадочным делам, продемонстрировав, как проникает сквозь закрытые двери — встал на задние конечности, достав до середины двери, после чего ударил лапой по ручке и был таков.

Когда я пришла на кухню, у очага уже хлопотала хозяйка, а Мяу умывался сидя на окошке. Солнечные лучи падали на его пушистую спинку. Шерсть была чистая и блестящая и оказалась не черной, а дымчато-серой с голубоватым отливом. Я восхищённо всплеснула руками, жалея лишь, что такую красоту нельзя погладить и потискать. Но к красоте предлагался весьма непростой характер — Мяу принял моё восхищение как должное и продолжил умываться.

Сив накрыла на стол, и мы позавтракали плоскими, тёплыми лепёшками, обмакивая их в мёд и в варенье из лесных ягод. О ночном незнакомце я так и не спросила — постесня-

лась признаться, что подслушивала и подсматривала.

Было еще раннее утро, но ворота в Винсент уже открылись, а, значит, мне пора в дорогу. До полудня нужно еще избавиться от кареты и наалов.

Но, прежде чем запрягать наалов, Сив повела меня в пристройку, где она сушит и хранит запасы трав. Я словно в лавку чудес попала! Травы, коренья, грибы, ягоды, минералы, сушёные насекомые — чего тут только не было! Старушка тщательно, на настольных весах, отмеряла ингредиенты. Мои покупки пересыпались во вместительные, ловко скрученные из газетных листков кульки. Всё это богатство сложили в большой полотняный мешок, который добавился к моему багажу. А мой кошелёк похудел на целых двадцать пять леев. Но я не жалела о затратах. На рынке за равное количество трав отдала бы вдвое, а то и втрое дороже. Кроме трав, старушка щедро делилась советами и рецептами, а я прилежно записывала их в тетрадь — кое-что, и впрямь, пригодится.

Договорившись с тётушкой Сив о регулярных поставках, я получила небольшой мешочек со знаменитой гизеттской глиной. Даже щепотка этого вещества делает любую маску для кожи уникальной. Невероятно ценный подарок — я от всего сердца поблагодарила лесную отшельницу. Но на глаза невольно навернулись слезы, когда мы открыли пакет, чтобы взглянуть на волшебный порошок, похожий на золотистую пыльцу. Он делает кожу красоток из высшего света бе-

лее снега, а мой отец лишился из-за него состояния.

Гизеттская глина названа так по месту добычи. Ее обнаружили в земле, которая когда-то принадлежала моему отцу — Генри ди'Гизу. Гизетт располагался всего в часе езды от этих мест. И вот однажды коварный герцог Винсентский пронюхал, что в поместье папы, помимо пахотных земель и леса, имеются залежи уникальной глины. Он обманом завладел бумагами на имение, а мой отец ничего не смог доказать и стал нищим. Поместье Гизетт, как и месторождение, ныне принадлежит герцогу и приносит ему прекрасный доход. Надеюсь, он когда-нибудь лопнет от жадности!

— Мяу! — в дверях пристройки показался недовольный Мяу. До чего выразительная у него мордочка! Негодует, что мы так завозились с травами.

— И правда, тебе пора, девочка. Торговцы скотом стараются заключать сделки до полудня. Спросишь Боко Ливса — тебе всякий подскажет, где он торгует. Только обязательно скажи этому гному-пройдохе, что ты от старой Сив, тогда он назначит цену без обмана. Но ты все равно торгуйся, иначе прослывеешь простофилей.

Раскачиваясь на жёстких рессорах, экипаж выкатился с просёлка на проезжий тракт. Влился в поток гужевого транспорта и в облаках пыли покотил по направлению к городу. Я надвинула пониже капюшон, но на нашу карету никто не обращал внимания, все спешили поскорее проехать ворота, чтобы доставить товары на рыночную площадь.

Мяу, как и вчера, спокойно лежал на сиденье и всеобщего внимания к себе не привлекал. Только какой-то паренёк, оседлавший горку прикрытых брезентом тыкв, ткнул пальцем в странное животное на передке моей кареты.

— Смари, батя, какой зверь!

Крестьянин, правивший единственным наалом, оглядел наш экипаж и равнодушно махнул рукой.

Реакция взрослого поразила меня. Неужели диковинное животное на кучерском сидении не вызывает удивления? Или для него этот зверь — самый обычный? В школе был курс зоологии нашего мира, и я неплохо ориентируюсь в видах животных. Полагаю, Мяу — дальний родственник диких зар, хищников из далеких тропиков. Уверена, что он невиданный зверь для этих мест, а этот фермер безразлично машет рукой. Мне стало обидно за пушистика.

Вездесущая пыль покрывала всё на дороге, и даже мой воздушный заслон не слишком помогал от этой напасти.

Тонкий серый слой уже лежал и на волосах, и на одежде, и на дымчатой шубке моего спутника. Перед самыми воротами я не утерпела, и светлые искорки забежали по платью, накидке и волосам. Мяу грозно рыкнул и весь напряжился, с беспокойством наблюдая за работой заклинания.

— Да не буду я тебя чистить, и не мечтай! Ходи грязным, если ненавидишь бытовую магию, — поддразнила я его. — А я люблю чистоту.

Ответом мне стало недовольное фырканье.

Стражи на воротах не взимали плату за въезд, однако, внимательно осматривали всех путников. Некоторых останавливали и спрашивали документы. Только крестьяне, частенько бывающие здесь, проезжали без заминки. Заметив это, я напряглась. Уверена, наша карета обязательно вызовет вопросы. А как стражи отреагируют на зверя рядом со мной, я боялась даже представить. Пустят ли моего лохматого поницу в город? И что мне делать, если нет?

Я разнервничалась, и ничуть не удивилась, когда услышала строгий окрик: «Стой!». Остановиться получилось довольно естественно: машинально натянула вожжи, а Мяу приказал наалам.

Офицер стражи медленно, с ленцой подошёл к дверце кареты. Теперь дверь закрывалась — старая Сив приладила ее на место. Заглянув в лишённое стекол окошко, служака равнодушно задрал голову к кучеру, то есть ко мне. При виде девичьего лица, выглядывающего из-под капюшона, у муж-

чины отвисла челюсть. Он немедленно принял бравый вид — втянул живот и расправил плечи — и приложил два пальца к козырьку форменного головного убора.

— Откуда едете, барышня? И где ваш кучер?

— Из Стэво, господин военный. Кучер я сама.

Страж самодовольно подкрутил ус.

— И с чем к нам пожаловала столь прелестная особа?

— Собираюсь открыть у вас в городе лавку.

Тут к нам подскочил второй страж, очевидно, слышавший весь разговор.

— Считайте, что два покупателя у вас уже есть, красавица.

Ура, неприятных вопросов и задержек не последовало. Я одарила стражей чуть менее официальной улыбкой, и карета вновь тронулась.

Пока проезжали сквозь толстые крепостные стены и ряды подъемных решёток, смотреть было особо не на что, потому ничто не мешало удивляться, почему стражи не обратили внимания на Мяу? Все время разговора он лежал спокойно, не двигаясь, и даже хвостом не дёргал. Неужели всем, кроме меня, знаком этот зверь? Эта странность не давала покоя, потому что заставляла чувствовать себя наивной деревенщиной, которая, впервые попав в город, изумляется всему подряд. От досады я позволила раздражению вырваться в виде вопроса:

— Они что, не заметили тебя?

К моему удивлению, Мяу изогнул пасть в хитровой

усмешке.

— Мур, — сказал он.

Вот оно что! Разгадка оказалась еще более ошеломительной, чем я предполагала!

— Они тебя не видят! — воскликнула я.

Мне достался снисходительный взгляд, как бы говорящий: «Ну, наконец-то дотумкала, умница!»

— Но каким образом? И... и как же я тебя вижу? А тот мальчик на дороге, он ведь тоже тебя заметил!

Но сеанс откровенности был окончен, Мая вновь устремил рыжие фонарики глаз на дорогу. От ворот мы свернули направо и, миновав короткую улочку, выехали на рыночную площадь. Я ожидала увидеть ровные торговые ряды — крытые длинные прилавки, где выставляют товар — так устроен рынок в Стэво. Но здесь мне открылась площадь, буквально кипящая народом. Поначалу трудно было сказать, где продавцы, а где покупатели. Приглядевшись, заметила клетки с животными и небольшие загоны. Люди толкались и переходили от одного продавца к другому, кричали, размахивали руками, поднимая невероятный шум. Подняв глаза, я разглядела в вышине прозрачный купол, защищающий рынок от непогоды и жаркого солнца.

— Маяу! — мой возница недовольно водил мордочкой, осматривая всю эту толпу.

Я кивнула. Мне тоже здесь не понравилось. Шумно, суетливо. А ведь моя лавка выходит на рынок, и я это считала

большим плюсом.

Мы остановились на краю площади у низкого двухэтажного дома, первые этажи которого были заняты цирюльней, закусочной и галантерейными товарами. Некоторое время мы просто наблюдали за рынком со стороны, не решаясь становиться частью этой толпы. Взгляд выхватил шныряющих тут и там вертких юнцов. Может, я возвожу напраслину на одного из этих бедняг, но вон тот рыжий только что, на моих глазах, срезал кошель у почтенного господина в чиновничьем мундире. Воришка оглянулся и, заметив укоряющий взгляд, нагло подмигнул и скрылся за спинами покупателей.

— Тут на ходу разденут, — пробормотала я, переживая, как за наличность, так и за багаж. — Ну и где искать этого Боко Ливса?

— Извините, прекрасная госпожа, мне послышалось или вы действительно ищите Боко Ливса? — обратился вдруг ко мне молодой оборотень приятной наружности с собранными в хвост русыми волосами. — Я случайно проходил мимо и услышал имя моего хозяина.

Мяу мерил юношу неприязненным взглядом, но тот явно не замечал зверька, глядя на меня, горящими, словно зеленые огоньки, глазами.

— Вы правильно услышали, господин, я хочу продать свою карету и четверку этих наалов. Не подскажете, где нам найти Боко Ливса?

— Зачем вам толкаться по рынку? Я приведу его сюда.

Подождите пару минут.

Оборотень немедленно исчез в толпе, а я принялась нервничать. Стрелки часового артефакта на фасаде трехэтажного здания напротив подходили к одиннадцати, а с владельцем помещения я заранее условилась встретиться сегодня в двенадцать. Заключать договор по почте было рискованно, к тому же я неверно указала свой возраст. В восемнадцать девушки еще не имеют права заключать договора, даже если являются «государственными сиротами», которым все-таки позволено больше, чем остальным (например, открывать счет в банке). Я указала, что мне двадцать три и, если это выяснится, будут проблемы. Скорей бы получить договор.

У кареты появился низкорослый плотный тип в сюртуке и порыжелой шляпе набекрень. В зубах тип жевал соломинку. Оказавшись передо мной, он смачно сплюнул на тротуар, не выпуская соломинку из зубов, и протянул мне заскорузлую лапищу:

— Боко Ливз, хозяйка, к вашим услугам.

Я несмело дотронулась до толстых, как сосиски, пальцев.

— Светлого дня, господин Ливс. Я Тера Эдденби, меня послала к вам Старая Сив.

— Так это ее коляска?

За разговором Боко то приседал, оглядывая днище и рессы, то ногой проверял упругость шин, то оглаживал чешую наалов, одновременно присматриваясь к упряжи. Его

помощник скромно стоял поодаль.

— Нет, господин Ливс. Коляска и упряжка мои. Мне нужно их продать, но только за верную цену.

— Я всегда даю верную цену, госпожа, — со значением проговорил гном и обошел карету кругом. Соломинка, наконец, спланировала на мостовую. — А бумаги на карету и наалов у вас имеются?

Какие еще бумаги? Может, каждому ящеру положено паспорт выправлять?

— Разумеется, любезный, эта карета и упряжка достались мне по наследству, — произнесла я елейным голоском. И ведь почти не соврала. — От любимого дядюшки.

— Но бумаг на владение сейчас с вами нет, ведь так? — немедленно заключил барышник. — Значит, ничего не выйдет, госпожа. Я ворованное не покупаю. Идем, Джемми, нечего время терять.

Ворованное?! Да как он смеет?

Я вскочила с места, готовая протестовать против несправедливого обвинения, но тут взгляд упал на помощника господина Ливса, который странным образом проигнорировал приказ своего начальника и остался стоять возле первой пары наалов, небрежно подпирая фонарный столб. А между тем гном-барышник широкими шагами стремительно удалялся прочь. Хотела прыгнуть с козел и догнать наглого торговца, но молодой оборотень со значением качнул головой, делая мне знак успокоиться и сесть. Мяу тоже вцепился когтями в мой плащ. Я подумала немного и села на место. Пожалуй, действительно не стоит устраивать сцену на радость зевакам. Вот только как быть с каретой и ящерами? Кому теперь их продашь?

В легкой панике я попыталась подсчитать, во что обойдется такая заминка. Придется искать сарай и стойло и платить за них; разоряться на фураж. Содержание четырех наалов в месяц стоит, как аренда за помещение лавки. Мне такое точно не по карману. Но и бросить животных я тоже не могу.

Пока я считала предполагаемые убытки, гном, видимо, ожидавший, что я побегу за ним, сам вернулся к карете. Пыряжая шляпа снова возникла возле козел. Видимо, такое представление разыгрывается частенько, потому оборотень

и был уверен, что хозяин просто блефует.

— Так, ну я готов дать сто пятьдесят леев за этот краденый рыдван на лысой резине и по двести за каждого ящера. Вся упряжь в подарок. Итого девятьсот пятьдесят золотых. Идет?

Я не растерялась, хотя мне еще не приходилось участвовать в рыночном торге.

— Триста за карету и по четыреста за каждого ящера. Упряжь за сотню. Итого две тысячи леев. Договорились?

Торговец скривился, но глаза оживленно заблестели.

— Да ты прожженная мошенница, госпожа. Лысые колеса, дверца без стекол, неровный ход! И наалы-то у тебя доживают свой век, а упряжь старая да ржавая! — Гном картинно закатил глаза, а затем хитренько стрельнул ими в меня. — Тысяча леев, идет? Пока я добрый...

Я покачала головой, но малость уступила. Отчаянный торг продолжился. Напрасно я надеялась избежать громкой сцены, на наше представление сошлась, кажется, половина рынка. Мы спорили до хрипоты, призывали в свидетели богов, обращались к Джемми, как третейскому судье, отчего оборотень покатывался со смеха.

Стрелки на фасаде соседнего дома показывали без четверти двенадцать, когда мы встретились на одной тысяче четырехстах пятидесяти ляхх. Взмокшие и растрепанные, ударили по рукам. Тяжелый кошель переключался в мой корсаж. Зеваки, лишившись занимательного зрелища, отправились

искать нового. Счастливый владелец кареты галантно помог мне сойти с козел и выгрузил на тротуар мой сундучок и мешок с травами.

— Джемми, помоги госпоже с ее багажом, проводи, куда она скажет! — напоследок велел гном, добродушно. Уверена, он мысленно уже подсчитывает барыши. Но меня это не беспокоило, я пристроила карету, да еще и с таким неожиданным прибытком! Ха-ха, думал ли дядюшка Скуби, чем обернется для меня организованное им похищение?

Джемми поднял мой сундучок, закинул за плечо мешок и вопросительно посмотрел на меня.

— Мне на улицу Музыкантов, 25.

Молодой оборотень кивнул на здание под часами.

— Тогда нам туда.

Мы неторопливо двинулись по улице. Рядом со мной важно вышагивал Мяу.

— Спасибо, что подсказали, как лучше действовать с Ливсом, господин Джемми.

— Зовите меня просто Джемми, моя госпожа. Да, хозяин — старый мошенник, но поторговаться любит. Это его слабость, госпожа.

Я вдруг вспомнила, что сама-то не представилась.

— Меня зовут Тера Эдденби.

— Джемми Аскот, будем знакомы! А вы в наш город долго, госпожа Эдденби?

— Надеюсь. Я собираюсь открыть здесь лавку.

— Вот это да! — Приятное лицо оборотня отразило крайнюю степень изумления.

Тут уже я удивилась:

— А что в этом странного?

— Извините, конечно, не мое дело, но вы такая молоденькая и как-то уже скопили на целую лавку! Вы, что же, богачка или наследство получили?

Я рассмеялась.

— Конечно, а разве по моему плащу и скромному платью этого не видно? Впрочем, лавка — это слишком громко сказано. На первых порах, это будет небольшой закуток возле рынка, где я собираюсь продавать косметику моего изготовления.

— Вот оно что! А я уже пять лет, как торчу в помощниках у барышника, и пока что трачу больше, чем зарабатываю, — вздохнул Джемми.

Я сочувственно кивнула. Вполне его понимаю, ведь и мне удалось накопить нужную сумму только потому, что я не тратила денег ни на жилье, ни на еду, ни на одежду — всем этим «государственных» сирот обеспечивала школа. Это я и объяснила веселому и отзывчивому парню.

— Ого, как, оказывается, государство о сиротах заботится. Не знал.

— Не обо всех, а только о тех, кого признает «государственными». Там какая-то длинная процедура, когда все родственники отказываются от ребенка через суд. В основ-

ном из-за долгов родителей. — Я улыбнулась со значением и продолжила: — Да, король Дитрик тратил на меня денежки, пока я росла. Ну а сейчас, когда диплом получен, придется мне от выручки перечислять в казну проценты, пока не покрою все затраты.

Джемми от изумления чуть не выронил сундучок, но вовремя перехватил его.

— Ловко придумано! Недаром говорят, что наш король Дитрик — малый не промах!

— Да, крутой стратег, — подтвердила я и остановилась перед входом в контору мэтра Маню.

Сверху раздался мелодичный перезвон курантов. С первым ударом я толкнула дверь. Уф, успела!

— Похвальная пунктуальность, юная госпожа! Торговые места на рынке нынче нарасхват, и явись вы минутой позже, лавка досталась бы лейре тэ'Чан — галантерейщице, которая задумала расширить отдел перчаток.

Седовласый господин за полированной дубовой конторкой недовольно хмурился. Мэтр Маню, — владелец двух доходных домов на улице Музыкантов, ведет дела аренды сам, не доверяя управителям и клеркам. Похоже, это страшный зануда. Выглядит, как старый пенёк и даже пахнет чем-то замшелым.

— Спасибо, что дождались моего приезда, мэтр.

Пожилой мужчина в старомодном жилете важно пожевал губами, рассматривая меня с неприятной усмешкой.

— Я некоторым образом рискую, сдавая помещение вам, госпожа Эдденби. Насколько я понимаю, вы не имеете опыта в коммерции.

Я подавила раздражение и любезно улыбнулась. А не все ли ему равно, если он все и так получит денежки?

— Пока нет. Но я плачу за помещение золотом, уважаемый мэтр. Также обязуюсь выполнять все правила, которые прописаны в договоре. Вот вексель на предъявление в Гнумий банк. — Я издала показала старику хрустящую гербовую бумагу. — Давайте же подпишем контракт.

Маню с уважением взглянул на вексель, особенно на сумму в графе «Выплатить:» — тысяча золотых леев за полгода. Однако что-то его все-таки беспокоило.

— Для меня это вопрос престижа, дорогая госпожа Эдденби. Важно, чтобы торговые помещения славились успешностью в городе. Герцог Винсент что ни год повышает арендную плату за землю. Кажется, скоро по миру пустит всех домовладельцев в городе.

Новое доказательство жадности сеньора этих мест, который ограбил и моего отца, не оставило меня равнодушной, но я не показала вида. К счастью, это пока не мои проблемы. Гораздо больше мне не нравились колебания домовладельца — а ну как передумает сдавать мне лавку и предпочтет галантерейщицу?

Я сунула под нос мэтру бумагу с хвалебными отзывами о моих товарах от подруг и преподавательниц, а также грамоту за первое место в конкурсе школьных талантов. Мужчина хоть и не был особенно впечатлен, все же несколько поумерил подозрительность.

Мяу, который последовал за мной в кабинет, мягко вскочил на конторку, уселся на стопке папок и принялся умывать мордочку. Владелец недвижимости никак на эту вольность не отреагировал, из чего я заключила, что зверя он не видит. Кстати, а почему его вижу я? И старая Сив тоже? Эх, она так и не рассказала, почему зовет его странником. Все-таки интересно: это с нами что-то не так или с остальными?

Впрочем, мэтр Маню тут же вернул мои мысли к более злободневным вопросам.

— Что ж, я вижу, вы серьезно готовились. Хорошо. Поставим подписи на договоре аренды.

Открыв папку, на которой уже было выведено мое имя, домовладелец достал два экземпляра стандартного контракта.

— Разрешите взглянуть на ваши документы, госпожа Эдденби.

Вот оно. В контракте черным по белому указан мой возраст — двадцать три года. А в бумаге, выданной мне школой, — восемнадцать. Я так надеялась, что предъявлять ее не понадобится. Какая разница, сколько лет владелице лавки, кто будет это проверять? Но этот пень Маню непременно воспользуется нестыковкой, чтобы не заключать контракт, ведь я несовершеннолетняя по законам Ильса. Дурацкие законы! Что мне делать в таком случае? Целых пять лет служить подмастерьем у местного зельевара, пока не постарею до двадцати трех? Какой в этом смысл?

А Маню требовательно тянул руку. Делать нечего, я отдала бумагу и приняла уверенно независимый вид, в душе ожидая приговора своим надеждам.

Что ж, попытаюсь арендовать помещение в другом месте. Потеряю на поиск какое-то время. Мельком взглянув на Мяу, заметила, как пристально он уставился на домовладельца, даже умываться перестал. Эх, чувствует неприятно-

сти животинка!

Старик вперился в бумагу, блеклые голубые глаза забежали по строчкам. Я нервно сглотнула.

— Все в порядке, госпожа Эдденби.

Маню сложил удостоверяющий документ и отдал мне. А затем вывел размашистую подпись внизу контракта. Все еще не веря своему счастью, я подписала бумагу вслед за ним. Отдала вексель, о чем свидетельствовала расписка на экземплярах контракта, а взамен получила ключ от лавки — такой длинный, словно запирал целый город, а не крошечное помещение. На этом с бюрократией покончили, и я попрощалась с мэтром.

Джемми Аскот дожидался в передней с моими вещами. Я улыбнулась оборотню и показала огромный ключ. Как раз в этот момент дверь с улицы распахнулась, и в контору домовладельца вплыла высокая, сухопарая дама с лицом интенсивно-желтого цвета в черном платье из дорогого бархата. Мой сияющий вид и ключ в руке, очевидно, не обрадовали ее. Она окинула нас кислым взглядом и скрылась в кабинете мэтра. Готова поспорить, что это галантерейщица тэ'Чан, которая алкала моей лавки и только что поняла, что осталась с носом. Джемми подтвердил, что это действительно она. Эта особа уже много лет держит магазин на углу улицы Музыкантов и пользуется авторитетом среди местных торговцев. Ох, надеюсь, она не слишком раздосадована на меня!

Мы вышли из конторы. Небо затянули дождевые тучи, но

купол, парящий над рынком, надежно укрывал от осадков. Джемми, наш проводник, повел меня и Мяу (о последнем он, конечно, не подозревал) вдоль фасада. Путь шел мимо галантереи лейры тэ'Чан. В больших витринах располагались сумочки и чемоданы, перчатки и галстуки. Само помещение магазина за стеклами, показалось мне мрачноватым и недостаточно освещенным.

Свою лавку я пока что видела лишь на картинке в альбоме. Агент по сдаче коммерческой недвижимости в Стэво показывал мне план торгового здания. И теперь я невольно ускоряла шаги, не терпелось увидеть все своими глазами. В описании перечислялись сплошные достоинства: небольшое, но удобное помещение для производства и хранения товаров, компактный торговый зал с витриной и прилавком, дорогостоящая отделка. Чего еще желать?

И вот мы вышли к длинному, одноэтажному зданию, окрашенному в веселенький бирюзовый цвет. На крыше была укреплена надпись огромными буквами «Торговые ряды Маню» — кажется, у кого-то весьма большое самомнение. Ниже, над торговыми помещениями, которые пестрой чередой тянулись вдоль фасада, крепились вывески поменьше, яркие и разномастные.

В глазах зарябило, но я старательно примечала конкурентов. Например, лавку мыловара «Для дам и господ», а также магазинчик парфюмера «Небесный аромат». Кажется, последний довольно бойко торгует — на моих глазах в стек-

лянную дверь вошли порознь две прилично одетые дамы.

«Ну и названия! Ничего более претенциозного не придумали? Тогда их ждет сюрприз, ведь я уже знаю, как назову свою лавку».

Но нет, это меня ожидал сюрприз. Притом неприятный.

Мы дошли до угла торгового здания, и сердце взволнованно подпрыгнуло, когда я увидела номер «16». Именно эта цифра значилась на громадном ключе, а также в договоре.

Я перевела восторженный взгляд с таблички на стеклянную дверь. И тут радость слегка потускнела. Без сомнения, Мэтр Маню мог бы лучше ухаживать за собственностью, которую желает сдавать: стеклянная дверь и узкая витрина заросли грязью и пылью до полной непрозрачности. Вид у лавки был словно у дома, давно стоящего без жильцов — заброшенный и дикий.

Джемми обернулся ко мне со слегка соболезнающей улыбкой.

— Э, здесь придётся помахать тряпкой, госпожа Эдденби.

В груди рождался новый тяжкий вздох. Я совсем не лентяйка и не белоручка, но за две тысячи монет в год недвижимость могла быть и почище. Или я не права и слишком многого хочу?

— Не беда, хорошо, что стёкла целы. Заклинание от пыли можно обновить.

Я энергично провернула ключ в замке — внутри что-то щёлкнуло, петли протестующе скрипнули. Не без опаски я распахнула дверь. Мой провожатый изумленно присвистнул. Некоторое время мы с Джемми созерцали то, что позднее,

когда вернулся дар речи, я назвала складом поломанной мебели.

— Похоже, сюда стаскивали негодные стулья со всего пассажира.

Мы вошли, но дверь закрывать не стали. Лёгкий ветерок по моему приказу облетел помещение, выдувая затхлый воздух. Джемми опустил на пол багаж и, растерянно оглядываясь, почесал затылок. А я беспомощно уставилась на выстроенные у стены штабели. При ближайшем рассмотрении здесь обнаружились не только поломанные стулья, но также и пара столов. В крохотном помещении невозможно было повернуться.

Джемми, кажется, обладал неистощимыми запасами сочувственных взглядов.

— Э-э, госпожа Тера, не расстраивайтесь. Я освобожусь в пять и забегу помочь со всем этим хламом. Возможно, что-нибудь удастся починить и использовать. Ведь, насколько я понимаю, другой мебели здесь нет.

Я поблагодарила отзывчивого юношу и ещё раз окинула взглядом помещение. Кроме прислоненной к стене длинной некрашеной доски (надо полагать это и есть прилавок), здесь не было ни витрин, ни даже полок для товара. Закипая от возмущения, я с трудом протиснулась в заднюю комнату.

Здесь ситуация оказалась лучше. Маленькое квадратное помещение было пусто за исключением колченогого рабочего стола с металлической крышкой. Единственным ис-

точником света служила наполовину застекленная дверь, ведущая во внутренний дворик пассажа. В углу за низенькой дверцей находилась каморка с удобствами — почтенным, пожилым унитазом и ржавой раковиной с краном. Я не без опаски открыла вентиль (такое устройство было в ходу лет сто назад!), и уставилась на тоненькую ниточку тепловатой воды.

Да, все здесь очень и очень далекое от описаний в проспекте агента. Первым моим побуждением было вернуться в контору и устроить скандал. Добиться, чтобы домовладелец устранил недочеты и несоответствия. Но тут же вспомнился пункт договора, который показался подозрительным с самого начала: *«Если арендатора по каким-либо причинам не устраивает помещение, контракт может быть расторгнут. В этом случае, арендодатель вычитает тридцать процентов из суммы возвращаемого аванса»*. Старик непременно воспользуется случаем выкинуть меня, да еще и поживиться при этом. Дарить триста золотых этому жулику Маню я вовсе не горела желанием.

Эх, вот дурочка, нужно было вначале осмотреть помещение, а уж потом контракты подписывать! Но я так мечтала стать владелицей магазина! Летела к своей цели, вот и не подумала, что меня могут надуть. А еще этот подлог с возрастом — нечистая совесть не позволяла особенно привередничать. Удивительно, что Маню не заметил разночтений в датах рождения. Мне ведь даже в магистрат на него не пожа-

ловаться! Там трюк с возрастом точно не пройдет.

Я вернулась в лавку и поделилась с Джемми своими откровениями. Тот заметно повеселел, узнав, что мебельный склад ограничивается только лавкой. Пообещав вернуться, он унесся по делам своего хозяина. Я закрыла за ним дверь, в которую уже заглядывали любопытные прохожие, и вновь осмотрела свое хозяйство.

Поглощённая возникшими проблемами, я совершенно позабыла про Мяу, а тот уже удобно устроился на верхнем из поставленных друг на друга стульев. Поджав передние лапки под себя, он довольно шурился оттуда, и такая у него была умиротворенная мордочка, что я рассмеялась.

— Ну хоть кто-то здесь доволен!

Что ж, и правда, все не так уж скверно, как показалось с первого взгляда. Жаль только, что не удастся открыть магазин к концу недели.

Перво-наперво я перетаскала вещи в заднюю комнату. Переделалась в рабочее платье из плотного, недорогого льна коричневого цвета и закрутила косу на макушке, чтобы не мешала по пыли. Тряпку соорудила из старой латаной кофточкой и принялась за дело.

К тому времени, как Джемми Аскот снова показался на пороге, стекла витрины и двери уже сияли зеркальным блеском. Пол и стены были чисты, а от пыли и паутины, благодаря обновленному бытовому заклинанию, не осталось и следа. Недостаток освещения компенсировали яркие световые ша-

ры под потолком, который, к слову сказать, был весьма высоким, что я сочла большим плюсом. Голубоватый дымок вился над ароматической свечой моего изготовления. Запахи запустения и сырости постепенно вытеснялись легким ароматом листвы цитруса, который ассоциируется у меня со свежестью и чистотой.

Один из колченогих стульев я прислонила к стене и с блокнотом в руках составляла список необходимых вещей. Пунктов было столько, что, когда закончу, придется их пересмотреть и вычеркнуть то, что может хоть немного подождать.

Мой добровольный помощник явился не с пустыми руками. В одной Джемми держал большой бумажный пакет, источающий ароматы выпечки, в другой — неуклюжий громахающий ящик с инструментами. В следующие полчаса молодой человек тщательно осматривал каждый стул и выносил ему приговор. В результате было отобрано три стула для мастерской и одно полукресло для торгового зала, остальные должны послужить источником недостающих ножек и сидений.

Также решено было оставить один из столов. Длинный и узкий, он как раз становился поперек торгового зала. Потертую столешницу можно прикрыть моей шелковой шалью, и использовать стол, как стенд для выкладки товара. На первых порах можно не ставить прилавков, отгораживающий продавца. Я живо представила, как это будет выглядеть со стороны. Покупатель войдет в светлое, сияющее чистотой помещение и вместо привычной доски, перегораживающей зал, увидит выставленный прямо перед ним товар. По-моему, неплохая идея.

Еще за год до окончания школы я начала обдумывать, как размещать товар, чтобы покупатель мог сам отыскать то, что ему нужно, и, возможно, по пути наткнуться на что-то новенькое и интересное. В большинстве лавочек вы скупаете у

прилавка, пока приказчица роется в шкафах с таинственным содержимым, отыскивая требуемый товар, затем платите и уходите. А нужно, чтобы покупатель задерживался и получал информацию о других товарах. Моя задача — добиться этого без назойливой и кричащей рекламы, которая, скорее, отталкивает, чем привлекает.

Джемми — неистощимый источник сведений о городе и рынке. Оказывается, здесь имеются и привычные мне торговые ряды. Место при въезде на рынок, где крестьяне продают овощи мелким оптом, а также скотину и птицу, действительно выглядит словно стихийное торжище. Но дальше по улице Музыкантов располагаются стационарные торговые ряды с самыми разными товарами. Меня, конечно, интересовали ингредиенты, но в первую очередь — прямо завтра — необходимо договориться со стеклодувом насчет фиалов и склянок для кремов и масок.

Мы с Джемми перекусили булочками из кондитерской, располагающейся в переулке за углом, и продолжили ремонт. В задней комнате или, как я уже стала называть ее — в мастерской, уже образовалась огромная куча негодного хлама, и я потихоньку выносила его на специальный мусоросжигательный помост во внутреннем дворе, куда выходили задние двери всех лавок. Темнело, у соседей зажигался свет, и я невольно подсматривала в чужие окна. Убогая обстановка служебных комнат наводила тоску. Нужно будет внести в список шторы или жалюзи и поскорее сделать

рабочую комнатку как можно более уютной. Я буду проводить там достаточно много времени, особенно после того, как прибудет моя подруга Кэрри.

Уже некоторое время за мной по пятам, путаясь в ногах, носился Мяу. Гладить по-прежнему не давался, но и не отставал и назойливо заглядывал в лицо полными укора горящими глазами. Каюсь, не сразу, но я догадалась, что животное требует еды. Однако, кусочек сдобной булочки был брезгливо обнюхан, после чего меня просто облили презрением.

— Колбасы у меня нет, извини. Подумаю, что можно сделать, но сперва нужно закончить с уборкой. Ну, потерпи немного, Мяу.

— С кем это вы говорите, Тера? — поинтересовался Джемми, выглядывая из торгового зала.

М-м-м, в самом деле трудно объясниться, когда тебя застают сидящей на корточках посреди комнаты и разговаривающей с пустотой о колбасе.

— Н-неважно, давайте вынесем этот хлам и можно будет уже начать хоть что-то готовить.

Мы с Джемми подхватили изувеченный стол, единственная уцелевшая ножка которого, пошла на ремонт другого стола, и поволокли во двор. Полюбовавшись огромной горой на возвышении для сжигания мусора, покрытом ржавым листом металла, я сотворила бытовое заклинание уничтожения мусора [1]. Деревяшки и металлические части отправились

в Тюремное измерение в неизменном виде, а пакля и ткани превратились в золу и серым дымком развеялись в вечерних сумерках.

— Вы сильный маг, Тера, — задумчиво пробормотал Джемми. — На такую гору мне потребовалось бы не одно заклинание. Мне досталось лишь немного стихии огня. Едва хватает на то, чтобы поддерживать пламя в очаге. Не повезло. У моего отца кузня, а я к этому делу оказался не способен. Не то что братья. Вот и пришлось к барышнику наниматься.

— Уверена, Джемми, вы скоро найдете дело по душе.

В нашем мире, без магии и особого таланта трудно пробиться, а парень хороший. Нужно бы ему помочь, как сам Аскот помогает мне.

Мы замолчали, думая каждый о своем. И тут до нас долетело неясное жужжание голосов и один из них я сразу узнала — говорил мэтр Маню! Вскоре он замолчал, слушая оживленную тираду собеседницы. Любопытно, о чем у них речь? Не сговариваясь, мы с Джемми приникли к стене, чтобы нас не было видно. А потом я прошептала заклинание «Aeri conti», и подувший свежий ветерок донес до нас разговор, происходящий в задней комнате одной из лавок:

«... косметикой. Эта наглая девчонка перехватила у меня помещение!»

О, значит, там также и лейра тэ'Чан! Голос владелицы галантереи был подобен уксусной кислоте и столь же едок. И

говорят обо мне!

«Справедливости ради, она первая забронировала его, лейра тэ'Чан», — вклинился в ее тираду домовладелец.

«На кой мне ваша справедливость? — взвизгнула галантерейщица. — На нее перчатки не разложишь! Мне товар выставлять некуда!»

«На вашем месте, лейра, я просто подождал бы, — вмешался новый голос — несомненно, мужской, но какой-то излишне слащавый. — Если эта особа юна и неопытна, она скоро сама поймет, что у нее нет шансов для соперничества с «Небесным ароматом». Девушка неизбежно разорится и вскоре, когда ее имущество опишут за долги, вы спокойно займете помещение».

Мы с Джемми мрачно переглянулись. У меня сжались кулаки. Значит, «Небесный аромат»? Я запомню.

«Как? Господин Колон, вы потерпите конкурентку под боком и ничего не предпримете?» — удивилась тэ'Чан.

«Ну почему же сразу ничего, лейра? Это не первый конкурент, которого подселяет сюда наш любезный домовладелец. Не так ли, мэтр?»

Неясное бульканье послужило ответом, после чего галантерейщица попросила парфюмера прикрыть дверь, потому что снаружи тянет холодом. Мы с Джемми поспешили скрыться, пока нас не заметили.

[1] В мире Андор давно и кардинально решена проблема с мусором. Местными мудрецами еще в древности открыто особое измерение, куда забрасывается ненужный хлам и прочая гадость. Простое заклинание относится к бытовым и доступно всем, у кого есть магия. Позже обитатели Андора столкнулись с переполнением мусорного измерения, однако вскоре было найдено блестящее решение. Светлые головы додумались ссылать туда преступников. Заключенные, отбывая срок, по колено в грязи день и ночь сортируют мусор и производят полезные продукты переработки, которые потом возвращаются на Андор. Поэтому теперь мусорное измерение называют Тюремным.

Первое, что бросилось в глаза, когда мы вернулись в магазин, был несчастный вид Мяу. У него даже ушки поникли, особенно то, что кем-то обкусано.

— Джемми, а где здесь можно поужинать? — спросила я с улыбкой, и ушки существа немедленно воспрянули. — Что-то очень недорогое, но, чтобы потом не мучиться желудком.

Если оборотень и был удивлен, что я думаю о еде в ту минуту, когда противники строят козни, то вида не подал.

— Я сам часто забегаю в таверну «У мамушки Гоблин». Это недалеко, только площадь перейти. У мамушки все всегда с пылу с жару, и хулиганов она не любит. Там можно спокойно поесть и поговорить.

— Отлично! То, что нужно. Приглашаю вас на ужин, господин Аскот.

Я отвесила шутливый церемонный поклон и рассмеялась. Оборотень начал возражать, что сам заплатит, но я была непреклонна.

— Без вас я наверняка пропала бы еще на рынке, когда экипаж продавала. А помощь с мебелью вообще неоценима. Пойдемте, устроим небольшую пирушку по случаю рождения моего торгового дома.

Когда у Джемми закончились возражения, мы заперли лавку на ключ и отправились в таверну. Впереди, задрав пу-

шистый хвост, бодро рысил Мяс. На улице уже зажглись фонари, в их тусклом свете безлюдная в этот поздний час площадь казалась бескрайней. Мы бесстрашно сошли с тротуара и углубились в темноту. Прохладный осенний ветер подхватил полы моего плаща, и я обрадовалась, что, подгоняемая взглядами голодного питомца, не выскочила на улицу в одном платье.

Случайно подняла глаза к затянувшим небо темно-серым тучам и вздрогнула. Несколько крылатых теней кружили над площадью.

— Что это за отряд, Джемми?

Там, где я жила, всадники на вердах — крылатых ящерах — встречались редко, разве что, когда пограничные патрули ловили нарушителей границы. Стэво ведь расположен рядом с границей Иллирии, где правят могущественные ледяные драконы. В соседней стране, говорят, одни льды да горы, потому ее жители давно точат зубы на наш цветущий Ильс. Оттого мне всегда тревожно, когда я вижу мчащийся по небу отряд. Вот и сейчас сердце застучало. Здесь, в Винсенте, ведь тоже близка граница, и притом не с цивилизованной страной, а с южной Орочей степью. А ну как дикие орды нападут на мирный, спящий город?

Ящеры распластали длинные кожистые крылья на полнеба и парили над прозрачным куполом. В свете фонарей тускло поблескивало железо на подпругах седел. Всадников нам снизу видно не было.

Оборотень равнодушно проследил за полетом вердов.

— Кто его знает? Может, пограничный патруль или отряд из замка герцога.

И тут над площадью показался еще один верд, такой огромный, что сперва я приняла его за дракона.

— А вот и сам его светлость, — почему-то шепотом прокомментировал мой приятель.

Я затаила дыхание. А вот и мой настоящий враг. Еще не время, но я непременно поквитаюсь с тобой за моего отца, светлость.

Мощное тело гигантского ездового ящера тускло поблескивало чешуйками. Если бы не купол, нас бы, наверное, смело взмахами этих мощных крыльев. Мне даже показалось, что порывы ветра усилились. Надеюсь, его светлость герцог Винсент подхватит чудовищный насморк от сквозняка, который он тут поднял.

Мяу нетерпеливо сверкала глазищами из темноты, словно угольками. Я запахнула плащ плотнее и зашагала быстрее. Вскоре мы подошли к кирпичному дому с широким крыльцом и крутой лестницей. Возле дверей висела вывеска «У мамышки Гоблин». Надпись была незатейливо выведена разноцветным мелом. Под названием значился список блюд. Я едва успела прочесть первые два: «Запечённая печенка арода с горошком» и «Тушеное мясо ханна с грибами и травами в горшочке», как вдруг тяжелая деревянная дверь распахнулась, и на крыльцо, спиной вперед, вылетело чье-то тело. А

следом показалась грузная женщина с красным лицом.

Она была одета, как крестьянка — в закрытое темное платье и белый накрахмаленный фартук, волосы не покрыты и стянуты в аккуратную кичку на затылке. Черты лица грубые, но приятные — такие бывают у потомков от браков людей с орками. Единственный недостаток — большая бородавка на щеке. В остальном природа не обделила мамушку Гоблин ни ростом, ни силой. Малый, которого она на наших глазах выбросила из таверны за дурное поведение, оказался дюжим грузчиком с рынка.

— В следующий раз будешь вести себя как паинька, Пэт Гроули. А сейчас, полетай! — С этими словами грозная трактирщица слегка толкнула буйного клиента в грудь. Пересчитав ступени, бедолага отряхнулся и печально побрел в темноту площади. А хозяйка, тут же приветственно просяла нам навстречу: — Ну, что же вы стоите на холоде, мои хорошие? Милости просим, мастер Джемми и прекрасная сьерра.

Мы прошли в зал. Здесь было шумно, но веселье не принимало характера разнузданного буйства. Преобладали аппетитные запахи с кухни. Мамушка Гоблин указала на свободный стол в дальнем углу, и мы с Джемми отправились через весь зал. За деревянными столами сидели в основном неплохо одетые мужчины — по виду торговцы, мелкие чиновники и ремесленники. К моему облегчению, женщины так же присутствовали. Как молодые, так и в годах. Все впол-

не приличные, вероятно, из купеческого и ремесленного сословий. Несколько молодых парней кивнули оборотню, многие провожали меня любопытными взглядами.

«Эй, Джемми, что за красотку ты подцепил, везунчик? Краля как будто бы из благородных. У вас свидание?» — выкрикнул нам в спину кто-то, но на него тут же зашикали. Аскот покраснел, словно томат, а я сделала вид, что не слышала.

Жаркое в горшочке оказалось восхитительным, как и горячий травяной отвар, поданный в глазурованном глиняном чайничке. Вообще, вся посуда в таверне была из глазурованной керамики ручной работы с изумительной красоты росписью. Мяу устроился рядом со мной на лавке и лакомился сливками из блюдца, которое я заказала, удивив хозяйку и Джемми. Но мамушка, видимо, привыкла к причудам гостей, потому без лишних слов принесла блюдце, полное густых сливок. Мне удалось чем-то отвлечь своего приятеля и отправить угощение страдающему животному, которое, кажется, было уже готово кромсать когтями деревянную лавку. Также тайком я скормила страдальцу несколько кусочков тушеного мяса.

Завтра нужно будет запастись мясом на рынке, ходить в таверну с невидимым голодным существом опасно. Кто-нибудь непременно заметит, как я кладу еду на лавку, а она постепенно исчезает. Тем более что моя особа и так привлекает повышенное внимание. Видимо, не каждый день здесь

появляются новички.

В тот момент, когда мы с Джемми, покончив с жарким, приступили к обсуждению подслушанного у конкурентов, в таверну ввалилась группа рослых воинов. Мамушка Гоблин расторопно бросилась к самому высокому из них:

— Мой лорд герцог, пожалуйста сюда! — она проворно метнулась к компании молодых приказчиков по соседству с нами, и, повинувась грозному шевелению бровей мамушки, те поспешили освободить стол.

Первым побуждением было уйти. Мне вдруг показалось, что я не вынесу ни минуты в присутствии герцога, не смогу дышать одним воздухом. Горечь подступила к горлу. Этот человек отнял у моего отца все, чем тот владел. Опустившийся и жалкий, папа умер через несколько лет, так и не сумев доказать, что герцог Винсент — лжец и вор. Это сделаю я, Этерра ди'Гиз. И непременно верну свое семейное достояние — поместье «Гизетт», вместе с землей, в недрах которой таятся залежи чудесной глины.

Однако я заставила себя сидеть спокойно и даже не особенно пялилась на его светлость. Нужно хорошенько изучить врага, только тогда есть шанс нанести серьезный удар. Бежать — удел слабаков, пускай от ненависти горчит травяной отвар с медом.

Новоприбывшая компания уселась через проход от нас. Четверо сопровождающих его светлость воинов явно не были простолюдинами и запросто обращались к своему предводителю. Красивый, на удивление молодо выглядящий герцог Винсент ожег меня заинтересованным взглядом, однако вскоре отвлекся на беседу с друзьями. Но даже обрывков разговора мы не слышали — вероятно, знатные господа отсекли свой стол «Стеной тишины».

Вскоре таверна загудела так же, как и до неожиданного

вторжения. Я тоже постаралась отвлечься от мрачных мыслей и улыбнулась оборотню. Пора обсудить подслушанную беседу неприятелей.

— Вот, не успела даже торговлю открыть, а соседи уже строят планы, как бы разорить да выжить меня.

Джемми соболезнующе кивнул.

— Это действительно очень плохо, Тера. Духи «Небесный аромат» пользуются спросом у местных девушек. Если этот прощелыга Колон начнет распространять сплетни о вашем предприятии, это не послужит к успеху. Надо же так случиться, что именно сейчас галантерея тэ'Чан вздумала расширяться. Два года помещение на углу пустовало и никому не было нужно.

— Да, неудачно. Но посмотрим, кто кого. В эту игру можно играть вдвоем. Магия воздуха не такая уж безобидная. И хотя я не боевой маг, но кое-чему научилась.

Тут я заметила взгляд герцога, устремленный на место рядом со мной. Мяу, к счастью, куда-то убежал. Мужчина удивленно разглядывал пустое блюдо, стоящее на скамье, а затем поднял взгляд на меня. Прошелся по подчеркивающему фигуру рабочему платью, скользнул к лицу, благосклонно пробежал по светлым волосам, выбившимся из косы. Я раздраженно отвернулась.

— Мне нравится ваш настрой, Тера. — Джемми хмурился, поднося к губам кружку пенного. — Если что услышу на рынке, обещаю вступить. Этот Колон может нанять ко-

го-нибудь, чтобы ругали ваши товары.

Перспектива лихоимства такого размаха мне в голову не приходила. А ведь верно, здесь замешан коммерческий интерес. Возможно, это первое, что сделает конкурент.

— Понюхать бы его духи. Что там за запахи?

— Сладкие, аж в горле першит. Фу!

Джемми забавно сморщился. Я рассмеялась и снова почувствовала теплую тяжесть взгляда герцога. словно мужская рука легла на плечи. Я передернула плечами, что вполне органично вписалось в нашу беседу.

— Я могу стащить флакончик у сестры, если надо, — предложил оборотень.

— О, я была бы очень признательна. Изготовление духов — дело хлопотное и затратное, и мне бы не хотелось этим заниматься прямо сейчас. Но, если парфюмер и в самом деле начнет доставать, придется принять вызов.

Мысленно я вносила дополнительные пункты в список того, что необходимо. Если все куплю, то на прибыль удастся выйти только к концу пятого года. Я тяжело вздохнула и покачала головой, отгоняя призрак неминуемого разорения.

— Нет, духи пока не потяну. Нужно ведь еще вывеску заказать художнику, да и стеклодув обойдется в копейчку. Завтра пойду искать мастера подешевле.

— Стеклодув у нас в городе, к сожалению, один. Господин Олле — хороший человек, хоть и гном. У него мастерская недалеко от рынка, на улице Храма.

Я разочарованно застонала. Единственный мастер, да еще и гном!

— Жаль, цену снизить не удастся. А художника, где посоветуете искать?

— Это народ известный. На рынке есть ряд, где продают картины и разный хлам. Вот там-то спрашивайте хоть у каждого. Все они малюют картины, сляпают и вывеску.

— Отлично.

— Если не секрет, как назовете ваш магазинчик?

— Не секрет. «Принцесса и Компания», — я отсалютовала кружкой с остывающим отваром.

Брови моего приятеля полезли на лоб, а потом он рассмеялся. Я нисколько не обиделась, напротив, с довольной улыбкой смотрела на оборотня.

— Извините, Тера. Необычное название вы выбрали. Но оно очень идет вам. Я, как увидел впервые, решил, что вы графиня, которой по внезапной прихоти захотелось править каретой.

Я рассмеялась.

— Удачно, что у королевской четы Ильса нет дочерей. Иначе меня обвинили бы в неуважении к королевской особе. Просто в школе, едва я только туда прибыла, мне дали глупое прозвище «Принцесса», и оно приклеилось на целых шесть лет. С ним я научилась всему, что знаю, вот и хочу, чтобы оно стало названием моей фирмы. «Принцесса и Ко».

— А что кроется под словом «Компания»?

— Моя подруга Кэрри. Она закончит школу через пару месяцев и присоединится ко мне. Кэр — помощник лекаря и хорошо разбирается в полезных и вредных свойствах трав. Так что с ее приездом расширим линейку лечебной косметики. — Я злорадно усмехнулась. — А еще вместе будет веселей стоять против конкурентов.

— Тогда скорей бы она приехала. Вам явно понадобится помощь, Тера. Вон сколько всего еще нужно сделать! А где вы остановились? Уже почти ночь на дворе.

Я замерла, удивленно глядя на молодого оборотня. Вот так так! Все время крутилось в голове, что о чем-то позабыла. Теперь ясно о чем.

Когда начинаешь дело всей жизни, думать о комфорте некогда! Я пренебрежительно махнула рукой.

— Поищу что-нибудь завтра, а сегодня переночую в мастерской на стульях.

Оборотень нахмурился.

— Э, нет, Тера, так не пойдёт! Представьте, какой разбитой вы будете наутро после ночи на жестких, неудобных стульях.

Я представила. Да, глупость сморозила. Что же делать?

— Наверное, здесь есть постоянный двор поблизости?

— Есть, конечно. Только порядочной девушке там делать нечего, — мрачно изрек Джемми таким тоном, что я сразу поверила.

Тут к нашему столу подошла мамушка с подносом, чтобы забрать пустую посуду.

— Ну как сливочки, дитя? Свеженькие, я всегда беру у знакомого фермера.

— Спасибо, госпожа, — смущенно пробормотала я, ставя на поднос вылизанное до блеска блюдечко. — Прекрасные сливки.

Джемми сделал вид, что ничего странного не замечает, и обратился к хозяйке:

— Мамушка, нет ли у вас комнаты для госпожи Эдденби?

Она только что приехала в Винсент и не успела позаботиться о ночлеге. Не к Хромому же Джеку ей идти, сами понимаете.

— Да уж, не в бардак к Джеку, это точно! — громогласно согласилась хозяйка. — Найду комнатку, отчего ж. О цене сговоримся, барышня. Коль надолго приехала и благонравного поведения, так живи, много не возьму. По шесть золотых в месяц, это недорого. В мебелирашках, что держит госпожа Дорэ, берут по десять, а то и по двенадцать.

— Цена меня вполне устраивает, уважаемая хозяйка, — улыбнулась я. И тут же, наученная горьким опытом, добавила: — Но сперва я хотела бы осмотреть комнату.

— Разговора нет — идем, покажу.

Мы поднялись. Пока мы с мамушкой разговаривали, воины во главе с герцогом покинули таверну. На столе красовалась горка золотых монет. Я тоже оставила один лей — хорошая цена с чаевыми за прекрасный ужин на двоих, но больше шиковать не стану. Мысленно я дополнила любимую поговорку нашей школьной поварихи: много есть вредно... и дорого. Я люблю мясо, но в обычные дни легко обойдусь и овощами.

Мы снова прошли через зал, затем поднялись по узкой лесенке на второй этаж. Здесь тянулся полутемный коридор с рядом одинаковых дверей. На некоторых красовались карточки с именами жильцов. Мамушка подвела меня к одной из дверей без опознавательных знаков.

— Купальня одна на этаже, уж не обессудь, красавица.

Вон там, в торце. А вот и комната. — И она распахнула дверь. — Осматривайся.

Я прошла в небольшую комнату с одним окном, выходящим на рыночную площадь. У двери помещался шкаф, ближе к окну — узкая кровать и небольшой стол со стулом. Минимум мебели, зато просторно. Возможно, когда Кэрри придет, здесь можно будет поставить еще одну кровать и таким образом сэкономить. Чистенько и уютно, на кровати упругий матрас и свежее постельное белье. Что еще нужно?

Довольная комнатой, я осмотрела еще и купальню. То, что она общая с остальными жильцами, меня несколько не смутило. Я ведь только что из школы, где на целый этаж общежития приходилось всего две купальни. Здесь жильцов немного, бытовые заклинания очищения исправно работают. Так что я немедленно отсчитала мамушке шесть золотых за первый месяц проживания. За дополнительные два лея договорилась о завтраках и ужинах. Сразу предупредила, что, скорее всего, буду возвращаться из лавки поздно, но мамушка заверила меня, что дверь трактира никогда не закрывается, и вручила мне ключ от комнаты.

Убедившись, что я устроена, Джемми попрощался и убежал, пообещав зайти завтра в лавку и починить неисправный кран.

А у меня возник вопрос: где мой питомец. Что-то я давно его не видела. Я подошла к окну, в темноте призывно мерцала надпись «Торговые ряды Маню». Слабо светящие-

ся стрелки часов на башенке соседнего здания показывали девять вечера.

«Вдруг Мяс потерялся и ищет меня?» — эта мысль не давала покоя.

Немного пометавшись по комнате, я направилась к двери. Нужно поискать животинку, да и за вещами неплохо бы вернуться в лавку. Едва я открыла дверь, снизу послышались шум и крики. Я вышла на лестницу и разобрала яростные проклятья, которые мамушка Гоблин посылала на голову какого-то вора. Темная молния взлетела по лестнице, а затем мне прямо под ноги бросился взъерошенный Мяс с порядочным куском сырого мяса в зубах.

Ну что тут скажешь? Ворюга пушистый!

Я вернулась в комнату, пока нас не поймала мамушка. Мяс гордо прошествовал за мной.

— Стыдно воровать, Мяс! — укорила я, но удостоилась лишь высокомерного взгляда янтарных глаз. Мне пришлось сидеть и ждать, пока кое-кто не проглотит все до кусочка. — Завтра я куплю холодильные камни и мясо. Не смей больше брать чужое, иначе нас выкинут отсюда. Понимаешь?

Дошло ли увещивание до зверька, неизвестно. Ко мне повернулись спиной.

— Пойдем за вещами, нужно перенести сюда сундучок.

Внизу, на кухне, все еще ворчала мамушка Гоблин. Мы проскользнули мимо входа в трактир, и я толкнула тяжелую дверь на улицу. Холодный осенний ветер немедленно

принялся заигрывать с моей накидкой, и мне ужасно захотелось вернуться в теплую и светлую комнатку. Почти бегом я устремилась через площадь к торговым рядам Маню. Мяркался не отставая. Мы уже были на полпути, как из темноты раздалось неожиданное:

— Так-так, ведьма с фамильяром в городе. Я не поверил, когда мне доложили, но, вижу, это правда.

Низкий мужской голос прозвучал так внезапно и резко, что я подпрыгнула и испуганно обернулась. Но взгляд утонул в вязкой клубящейся тьме. Мяс весь ошетинился и зарычал.

Ведьма, фамилляр... Это какой-то сумасшедший чудит?

Оглядевшись по сторонам, я заметила, что черная пелена пытается окружить нас. Не знаю, что поразило и испугало сильнее — надвинувшаяся тьма или то, что кто-то посторонний заметил моего питомца. Наверное, Мяс тоже испугался, потому что, припав к земле, рычал на одной низкой ноте.

— Кто вы такой и что вам надо?

По моей задумке, это должно было прозвучать грозно и охладить пыл невидимого шутника, однако вышло растерянно и довольно жалко. Я откашлялась и исправилась:

— Немедленно уберите этот противный черный туман! А ну, покажитесь!

Вот теперь хорошо получилось. Внушительно. Только чего я добилась? Тьма, кажется, еще больше сгустилась, поглощая свет фонарей и сверкающие разноцветные вывески вокруг площади. Мы с Мяс оказались словно в плотном коконе, поглотившем свет.

Темнота действовала на нервы. Я прошептала заклинание «Luxus gordio!» и световой шар взмыл над головой. Это не особенно помогло, но теперь я хотя бы видела Мяс возле сво-

их ног. А дальше стеной поднималась тьма. Я любопытная: не удержалась, протянула руку, но тут же отдернула, потому что наткнулась на твердую поверхность.

«Мы тут, будто в клетке!»

Не успела испугаться, как рядом послышались неторопливые шаги. Когда увидела неясную огромную тень, решила, что мне чудится, но мужчина, шагнувший из тьмы, не был призраком.

— Показался, по твоему требованию, госпожа. Ну и наглые ведьмы пошли!

Незнакомец был высок, молод и, следует признать, хорош собой. Белокурые волосы по-военному коротко подстрижены. Одежда темная, но под яркими лучами светового шара, выделялся темно-красный шелковый плащ. На красивом, породистом лице застыло хмурое, недовольное выражение.

И все же стало немножко менее страшно. Одно дело безликая тьма, другое — человек из плоти и крови. Я задрала голову и приняла как можно более величественный вид.

— Ведьма? Зачем вы обзываетесь? Я же не называю вас «громилой». И что за манеры, разве положено обращаться к незнакомым женщинам на «ты»?

— Когда я вижу ведьму, да еще и с фамильяром, я обращаюсь к ней, как сочту нужным. И ей лучше бы прикусить язычок, если не желает вылететь за городские ворота посреди ночи.

«Он еще и грозит! Да что происходит? Что этому сума-

спешшему от меня нужно?»

— Я не ведьма, к вашему сведению, а дипломированный зельевар! И это никакой не фамильяр, слышите? Вы что, сказок начитались, любезный? Это бедный зверек, сбежавший из тропического леса. Мой питомец.

Мужчина присел на корточки, рассматривая Мяу. Малыш сжался, зашипел и вдруг юркнул под мою юбку, прижавшись к ноге. Незнакомец хмыкнул и поднялся.

— Что это за зверь?

— Это Мяу.

— Кто?!

— Мяу. Это его имя. Я так назвала его.

Потерла шею, онемевшую оттого, что приходилось выворачивать голову, разговаривая с этим верзилой. Незнакомец нетерпеливо переступил с ноги на ногу и одарил меня высокомерным взглядом.

— Девушка, ты что, не знаешь, что магические животные сами выбирают себе имена?

«О чем он? Постойте-ка... А ведь грубиян прав, Мяу действительно магическое животное! Это объясняет все то, что казалось странным и невероятным в поведении питомца. Только почему Мяу выбрал меня? Я ведь не из рода ведьм, моя матушка, Мариза Эдденби, была из торгового сословия».

— Он не магическое животное! — упрямо заявила я.

— Уж я как-нибудь отличу фамильяра и привязанную к

нему ведьму. И не надо дерзить. Постарайся казаться панинкой, чтобы убедить меня, что не замышляешь дурного. Ты разговариваешь с лордом-инквизитором провинции Винсент, девочка.

Инквизитор? Тот, кто расследует магические преступления? Я ничего плохого не совершила, но это хотя бы не чокнутый охотник на ведьм. Это уже хорошо. Не чувствуя за собой никакой вины, я спокойно посмотрела в глаза чиновнику магического ведомства.

— Мне не в чем каяться, мой лорд. Я прибыла в ваш город, чтобы открыть лавку. Буду продавать косметику, кремы и лосьоны собственного изготовления. Насколько мне известно, это не противозаконно.

— Вот как? И с каких пор ведьмам разрешено открывать лавки в черте города?

Из-под моей юбки послышалось озлобленное рычание. Мне тоже захотелось покусать этого упрямца.

— Я. Не. Ведьма.

Мужчина упрямо сверкнул глазами в ответ.

— Ведьма, если я так сказал.

Тьма вокруг нас вдруг рассеялась. Я растерянно заморгала, оглядываясь по сторонам. В лицо ударил студеный ветер, вывеска торговых рядов вдалеке слегка подрагивала от его порывов.

«Неужели этот вредный лорд отпускает нас с миром?»

Я с надеждой взглянула на инквизитора, его багровый

плащ эффектно развевался за широкими плечами. Но лорд-злюка тут же разбил мечты, что я отделаюсь лишь одной этой неприятной встречей. Рядом с мужчиной возник светящийся росчерк разрыва пространства. Тот шагнул в портал, на ходу бросив:

— Явишься завтра к трем часам в магическое управление за разрешением торговать. Если хоть на минуту опоздаешь, объявлю в розыск.

Я была и зла, и напугана. С минуту стояла и тупо смотрела на исчезающее голубое сияние портала, в котором скрылся инквизитор. Препятствий со стороны властей я никак не предвидела. Что здесь за порядки такие? Где это видано, чтобы честную девушку так оскорбляли?

Мяу выглянул из своего убежища и недовольно фыркнул. Вид у питомца был смущенный, даже ушки поникли.

— Не расстраивайся, дружок! Если тот злой инквизитор не даст нам разрешения на лавку, мы ему покажем! Я не собираюсь безропотно сносить гнусные наветы! Пойдем, нужно закончить дела в лавке.

Почти бегом мы достигли заветной цели. Провернув ключ в замочной скважине, я отворила дверь. Создала пару световых шаров, которые взмыли под потолок. Навстречу пахло приятной свежестью. Забывая о тревогах, я с удовлетворением осмотрела небольшое светлое помещение, перегороденное длинным столом. Белые стены выглядели, конечно, пустовато. Здесь не помешали бы стеклянные стеллажи и зеркала. Но не все сразу. Нужно соблюдать меру и сосредоточиться на товаре.

Мяу вольготно разлегся в кресле и принялся намыывать блестящую серо-голубую шерстку. А я прошла в заднюю комнату, которую мысленно уже окрестила мастерской.

Здесь также не осталось ничего лишнего — рабочий стол и три стула вдоль стены. Я подтащила сундучок к столу и принялась выгружать все то, что привезла для работы. На металлическую столешницу перекачевали компактная спиртовка и несколько складных штативов. Ковшик из легкого металла. Термометр. Небольшой чугунный котелок. Пара эластичных формочек для свечеварения. Несколько баночек, а в них разные полезные для работы мелочи. Пузырьки с эфирными маслами и красителями. Сверток с воском и парафином. Только ценный подарок — коробочка с изысканными фиалами для духов — пока что остался в сундуке вместе с двумя сменами белья, платьями и туфлями-лодочками.

Осмотрела заваленный стол. Так работать не просто неудобно, но и опасно. В мастерскую срочно требуются полки, а лучше сразу целый стеллаж, чтобы еще и травы разложить. Я решила, что рано уносить сундук. Одежду перенесу в комнату над таверной, увязав в аккуратный узелок. А лишнее оборудование отправилось обратно в сундучок. На столе остались только спиртовка и формочки для свечей. И руки тут же зачесались приготовить пару свечек. Почему бы и нет? Мне нужно успокоиться после встречи с гадским инквизитором, а работа — лучший способ привести мысли в порядок.

Достала прозрачный пальмовый воск и парафин, красители, а также эфирное масло с ароматом бергамота и лавра. Любопытный Мяу пришел посмотреть, что я делаю, и

остался наблюдать за процессом, устроившись на стуле. А я налила в ковшик воды, и на водяной бане, закрепив термометр на штативе, принялась растапливать воск, смешав его с небольшим количеством парафина. Пока вода нагревалась, закрепила на формах заранее заготовленные фитили. Едва воск превратился в прозрачную жидкость, добавила несколько капель ароматического масла и немного желтого красителя. Когда расплавленная смесь потекла в первую форму, влила немного магии, и по пальцам пробежали голубоватые искорки воздушной стихии. Затем, действуя очень быстро, добавила к оставшейся золотистой смеси пару капель зеленого цвета. Перемешала, получив синий воск для второй свечи. Вскоре и остаток массы был залит в форму.

— Вот и все. Две первые подарочные свечи для покупателей готовы. Осталось сделать еще штук пятьдесят. Но на сегодня хватит. Завтра полюбуемся на результат, а сейчас нам пора спать, не так ли, Мяу?

— Мяу! — ответило существо, полуприкрыв глазки.

Я подарила улыбку своему пушистому напарнику, и пошла отмывать ковшик и банку из-под воска.

Фамильяр! Скажет же тоже! Нет, вполне возможно, что Мяу магическое животное. В это поверить нетрудно, принимая во внимание все чудеса, которые случались с нами по дороге. Но фамильяр? И не чей-нибудь, а мой! Это такая редкость, я о них только в сказках слышала. И как он мог привязаться, если я не имею никакого отношения к ведовству?

Все мои знания почерпнуты из учебников и практических занятий в школе ремесел. И когда могла произойти привязка? Надеюсь, завтра смогу объясниться с этим высокомерным и наглым лордом, чтобы он раз и навсегда оставил свои глупые подозрения.

Убрав посуду, я подхватила узелок с одеждой и вместе с Мяу пустилась в обратный путь. На сей раз мы пересекли площадь без происшествий. Облака рассеялись. Резко обозначились тени — это взошли две луны — яркая Веолика и крошечная голубоватая Тея. Среди звезд над городом кружил одинокий всадник на крылатом ящере. В темных углах и переулках шныряли подозрительные тени, заставляя настороженно оглядываться и ускорять шаги. Я вздохнула с облегчением, лишь достигнув трактира. Придержала тяжелую дверь для Мяу и с удовольствием окунулась в почти домашнее тепло, полное ароматов жареного мяса и приправ. Трактир еще гудел голосами засидевшихся допоздна посетителей.

На лестнице мне навстречу попала симпатичная русоволосая девушка, и мы вежливо кивнули друг другу. Наверное, соседка. Мне понравилась улыбка незнакомки — открытая и приветливая, с едва заметной щербинкой. Надеюсь, удастся познакомиться поближе. Я привыкла иметь подруг, и главным минусом переезда в чужой город видела неизбежное одиночество на первых порах.

В комнате навалилась усталость. Я хотела сесть за пись-

мо Кэрри, но мысли разбегались. Напишу ей завтра. Приготовившись ко сну, улеглась на удобный матрас под хрустящие, благоухающие свежестью простыни. Мяу, занимавший до этого единственный стул, перебрался ко мне на ноги.

Первый день в Винсенте завершился тихо и мирно.

Второй день новой жизни начался рано. В спокойный сон вторглись посторонние звуки. Сперва я не обращала на них внимания, стараясь продлить сладкое забытие. Но вскоре к ним добавилось еще и действие: меня кто-то тормозил. Слышалось монотонное урчание. Я сонно отмахнулась.

— Кэрри, я не пойду на зарядку... Посплю еще немного.

Но настырная подруга не отставала. Я попробовала укрыться с головой, но ничего не получилось: одеяло почему-то было страшно тяжелым. А между тем, звуки, словно рядом с негромким и ровным урчанием работал какой-то механизм, не утихали. В то же время кто-то без усталости толкал меня в грудь.

Я издала возмущенный вопль и открыла глаза, встретившись с янтарными глазами-блюдцами. Существо заглядывало мне в лицо с сердитым видом. Две мягкие лапки без усталости топтались по одеялу.

— Мяу! Это ты?

Питомец фыркнул, словно не понимая, чему я удивляюсь, и бесшумно соскочил на пол.

— Ох, уже утро! Как же быстро...

Я потянулась и села на кровати. Первое, что бросилось в глаза — узелок с вещами на столе. Вчера позабыла развесить одежду — наверное, все измялось. Ну ничего, бытовой

магией разглажу. Поднялась, выудила из узелка халатик из цветастого ситца и выглянула в коридор, проверить, свободна ли купальня. День начался.

Через полчаса, румяная после душа, в свежевыглаженном платье из темно-синего сукна, я прихватила плащ и спускалась по лестнице в сопровождении Мяу. Дверь в трактир была распахнута, сногсшибательные ароматы сдобы поманили войти.

Обеденный зал был еще пуст. Я заглянула в открытую дверь кухни. Мамушка Гоблин хлопотала у огромной плиты, уставленной сковородками и котлами. Два поваренка в смешных высоких колпаках любопытно вытаращились на меня поверх корзин с овощами, которые им надлежало почистить. Грузная трактирщица шикнула на помощников, чтобы не отвлекались, и просияла мне навстречу.

— Светлого дня, дитя. Садись за стол, сейчас соберу завтрак. Сливочек-то принести?

— Светлого дня, мамушка. Буду вам очень благодарна за сливки.

Мяу, радостно задрав хвост, вскочил на лавку. Пока мы ждали завтрак, начали прибывать остальные жильцы. Первым спустился угрюмый неразговорчивый мужчина средних лет. За ним впорхнули две девушки. Русоволосую я сразу узнала, она встретилась мне на лестнице накануне. Сейчас она одарила меня не менее милой улыбкой. А вот от ее подружки-брюнетки мне достался хмурый взгляд; девушка

уселась подальше, позвав подругу за собой. Но та не послушала и подошла к моему столу.

— Привет, меня зовут Дара, а вон там моя подруга и напарница Абигайль Верди. А вы та самая новенькая, о которой все говорят? Это правда, что вы из благородных?

Я подняла брови, вот уж никак не ожидала, что стану предметом обсуждений.

— Приятно познакомиться, Дара. Меня зовут Тера Эдденби, и я простого звания.

Кажется, моя собеседница была немного разочарована.

— Вот оно что! А мы уж подумали, что вы и впрямь графиня или баронесса, и сбежали от родителей, чтобы попытаться счастье в коммерции. Аби, иди сюда, госпожа Тера из наших!

Брюнетка подошла с извиняющейся улыбкой, и я пригласила девушек расположиться за моим столом.

— И где же меня обсуждают, можно поинтересоваться? — осторожно спросила я. — Я пока мало кого здесь знаю.

— Все у нас в рядах Маню всполошились, — ответила Абигайль. — Вчера только и разговоров было, что номер шестнадцать наконец-то сдан. Мы все боялись, что его отдадут этой задаваке шафранового цвета.

— Кому, простите?

— Так мы называем владелицу галантереи на углу, лейру тэ'Чан. Между собой, разумеется.

Я не смогла подавить усмешку: метко подмечено. Дей-

ствительно, кожа уважаемой дамы словно подкрашена этим красителем. Любопытно, это она специально?

— Вероятность вселения тэ'Чан, и правда, была. Но я успела на заключение договора к сроку, и теперь, боюсь, лей-ра галантерейщица не в восторге.

Мамушка внесла огромный поднос с завтраком. Здесь были и омлет, и гренки, и жареная домашняя ветчина, и аппетитная каша с фруктами. Пока мои собеседницы спорили, что лучше взять — сэндвичи с ветчиной или омлет, я потихоньку отправила под стол блюдечко со сливками. Попивая травяной отвар, исподтишка наблюдала, как Мяу с урчанием набросился на лакомство, словно не ел неделю.

— А вы что будете есть, Тера? Одним отваром сыты не будете, — заметила Дара.

Верно. День впереди хлопотный, нужно плотно поесть, но аппетита лишал предстоящий визит в магическое управление к наглому лорду-инквизитору. Впрочем, Аби и Дара болтали без умолку, и вскоре я рассеялась и с удовольствием уплетала кашу. Оказалось, девушки живут у мамышки Гоблин уже два года, с тех пор как окончили ремесленную школу в столице. Вместе учились на приказчиц и переехали на юг, когда открылись подходящие вакансии.

Неразлучные подруги работают у моего, некоторым образом, конкурента — варят и продают мыло разных видов в магазинчике «Для дам и господ». Владелец лавки — старый гном, у него несколько заведений по городу. Бизнес идет, но

не слишком успешно. Девочки пожаловались, что в зимние месяцы торговля в упадке, и они не получают положенных процентов от продаж.

Разумеется, пришлось рассказывать и о себе. Так, немного, просто чтобы не прослыть невежей. О планах говорила еще более скупой, так как подозревала, что подружки не прочь посплетничать. Про себя решила, что мыло варить не стану, чтобы не портить коммерцию приятным людям. Я не очень люблю возиться со щелочью. Как-то раз на практическом занятии поэкспериментировала с магией при варке. В результате сработала тревожная сигнализация, и помещение до потолка потонуло в пузырьках пены. В наказание меня заставили все отмывать, с тех пор с мылом не дружу.

Трактир стал заполняться народом. Крестьяне и возчики, приведшие подводы на базар, поднялись еще до зари и, сдав товар, с удовольствием заходили к мамушке Гоблин перекусить. Дара и Аби никуда не торопились — их лавка открывается в десять, а вот мне нужно было бежать, если хочу успеть закончить дела в городе до визита к инквизитору.

Оставила Мяу в лавке, и сразу же направилась на поиски стеклодува. Джемми неплохо описал дорогу: нужно просто идти вдоль рыночной площади до перекрестка с улицей Храма. Я отправилась, с интересом посматривая по сторонам на лавки и на волнующуюся толпу на площади. На рынке среди ящиков и мешков с овощами шла бойкая торговля, и уши закладывало от гула сотен голосов, которые нахваливали свой товар или яростно торговались.

Часть площади была огорожена и разделена на загоны, в них находились животные: наалы и верды, домашний скот и птица. Здесь преобладали особые звуки и разнообразнейшие резкие запахи. И я невольно ускорила шаги, ведь с рождения одарена слишком тонким обонянием, столь необходимым в моем ремесле. К сожалению, оно не предназначено для подобных запахов. Я прижала платочек к носу, из-за чего заработала немало косых взглядов. Какой-то парень в вязаной шапке громко рассмеялся и указал на меня пальцем: «Что, фифочка, не нравится, как пахнут ханны? А нежное мяско кушать любите?» В общем, я сбежала оттуда и с наслаждением вдохнула относительно свежий воздух, когда ряды загонов закончились.

Розничные торговые ряды от скотного и оптового базара отделяются в Винсенте старинным фонтаном, расположен-

ным посередине рыночной площади. Два каменных дракона по бокам длинной, узкой, наполненной кристально чистой водой чаши метали струи воды навстречу друг другу. День выдался ясным, и я некоторое время любовалась игрой солнечных лучей в водяных потоках. Здесь пахло водой и немного тиной — аромат, напоминающий речной. Эта часть рынка явно более респектабельная, а публика — изысканная. Среди кадок с чахлыми вечнозелеными деревцами прохаживались прилично одетые дамы, няни выгуливали малышей, куда-то спешили мужчины в мундирах и костюмах.

Я закусила губу, рассматривая нарядные фасады домов и уютные магазинчики. Встретилось несколько аптек, парфюмерия. Конечно, правильное было бы снять помещение здесь, но цены, которые предлагал агент, мне не по карману. Что ж, все с чего-то начинали. И если владельцы здешних помещений не богачи по рождению и не получили громадного наследства, то они тоже когда-то торговали в непрестижных районах.

Вскоре путь пересекла довольно широкая улица. Вдали показалось величественное здание — судя по золотой крыше, святилище Шандора — и я догадалась, что это и есть улица Храма. Я не ошиблась: на ближайшем доме красовалась табличка, подтверждающая это. Дорогу к дому мастера Олле спросила у прохожих, и вскоре уже входила под арку, приведшую меня в довольно захламленный дворик между высокими домами. Мастерская стеклодува располагалась в

одноэтажном флигеле. Постучав в дощатую дверь, я вошла и очутилась в плохо освещенном помещении с высоким потолком. У входа громоздились ящики с бутылками и банками всех размеров и форм.

— Что надо, барышня? — прозвучало откуда-то. — Белошвейная мастерская в соседнем дворе.

— Я к мастеру Олле, — поспешила ответить, так и не определив, с кем именно я говорю.

— По какому делу?

Из-за ящиков вышел тщедушный пожилой гном с сероватым худым лицом в синей рабочей робе. На лоб были сдвинуты специальные темные очки, чтобы смотреть на огонь и раскаленное стекло.

— Светлого дня, господин. Я открываю лавку косметики, и мне требуется партия банок под крем.

Я сунула под нос мастеру карточку с нарисованной симпатичной пузатой баночкой. На боку должна быть выдавлена изящная корона. Этот рисунок я рисовала сама и даже поставила размеры, как нас учили на уроках черчения.

Господин Олле взял эскиз и удалился за ящики, где располагалась конторка. Долго рассматривал рисунок при свете неяркого светильника. Затем вернул мне и выдал:

— Придется создавать уникальную матрицу. Партия в пятьдесят штук будет стоить шестьдесят золотых, юная госпожа. Полная предоплата.

Что?! Да это грабеж среди белого дня! Где видано, чтобы

крохотная пустая банка обходилась, как дорогуший крем в элитном магазине? Это еще один любитель торговаться, что ли?

— И со сроками придется подождать до конца месяца, мы только что получили крупный заказ от управителя герцога Винсента. Пришла пора разливать вино с виноградников его светлости по бутылкам.

При известиях о новых кознях от ненавистного аристократа, я мысленно выругала и герцога, и его управителя за невоздержанность в употреблении спиртного. Приспичило им винные бутылки, уже бочек не хватает!

— А если я закажу партию в двести штук и более? Какая будет цена?

Мастер задумчиво пошлепал тонкими губами.

— М-м-м, пожалуй, уступлю немного. Будет по девяносто хилдо за штуку. Срок изготовления — два месяца. Оплата вперед.

— Мастер Олле, а вы осознаете, что цена баночки в десять раз превышает цену за одну бутылку?

— Но я должен отбить стоимость матрицы. К тому же герцог все время повышает налоги.

Вот и «отбивал» бы их на заказах управителя его светлости!

— Нет, любезный. Мне это не подходит. Выгоднее заказать тару в Пенто и оплатить доставку.

«На самом деле с накладными расходами выйдет дороже,

но приврать-то я могу?»

Гном, казалось, ничуть не расстроился. Пожал плечами, мол, дело ваше. Однако тут же снова оживился.

— Если вы только начинаете дело, возможно, подойдут стандартные банки? Аптекарь на углу забраковал партию тары для мази от геморроя. Там лишь небольшие трещинки кое-где. Отдам за полцены.

Я вышла из мастерской и от души хлопнула дверью напоследок. Глаза жгли слезы отчаяния. Чтобы мой чудесный крем, который за неделю превращает самую безнадежную кожу в гладкий бархат, походил на мазь из аптеки? Ну нет!

Но единственный стеклодув в городе заломил немислимую цену, а ведь баночки для товара мне нужны как можно скорее!

И как теперь быть?

Все еще вне себя от возмущения, я вернулась к рынку и быстро пошла вдоль рядов. Гнев перегорал, уступая место решимости. Ничего, пробьёмся! Неразрешимых ситуаций не бывает. Стеклодув еще пожалеет о своей неуступчивости! Мысленно перебирая материалы, пригодные для моих целей, я окунулась в толпу покупателей и зевак, что снова шла вдоль рядов с товарами.

Самое простое и дешевое решение для начинающего зельевара — пластиковая упаковка, но она пригодна лишь для средств, изготовленных без помощи магии. Не мой случай. Для активных веществ, замешанных на магических травах или просто приправленных магией мастера, лучшие материалы упаковки — стекло, кристаллит или камень. Чуть хуже алюминий и сталь — металлы наделены собственной магией. Это все недешевые материалы. Недорогие глина и дерево не подойдут — слишком пористые и также имеют свой характер, который может изменить качество крема. Вот и получится, что большая часть затрат падёт не на ингредиенты, а на упаковку. Если хочу завоевать рынок, я должна продавать много. А значит, дешево. По крайней мере, на первых порах. Известно, что восемьдесят хилдо — предельная сумма, которую женщины простого звания готовы тратить на уход за кожей в месяц. Отсюда выходит, что упаковка не должна

быть дороже тридцати или сорока хилдо. Иначе я буду торговать в убыток. Вообще-то, я надеялась, что большая партия баночек обойдется гораздо дешевле, потому что в Стэво мне называли совсем другие цены.

«Эй, красавица, давайте я нарисую ваш портрет!»

Я и не заметила, как оказалась в ряду, где художники и ремесленники продают свой пестрый товар. Чего здесь только не было! Прекрасные пейзажи, нарядные расписные игрушки и веера, броши и шкатулки из камня...

Нахального вида рыжий молодой щеголь, зазывавший меня к своему лотку, не внушил доверия. Слишком оценивающий, наглый взгляд. Правда, судя по картинам для продажи, рисует он замечательно. Я покачала головой и подошла к невзрачному старичку со включенными волосами и в странном балахоне. Стоя за мольбертом, художник вдохновенно водил кисточкой по натянутому на раму холсту. Выставленные для продажи картины — мрачноватые горные пейзажи — мне совсем не понравились, но надо же прицениться.

— Я ищу мастера по вывескам, уважаемый.

Старик резко повернулся ко мне и смерил острым неприязненным взглядом.

— Вы думаете, я продаю свой талант? — Старичок так резко бросил кисть на прилавок, что брызги полетели во все стороны.

На мгновение показалось, что этот нервный сейчас, словно огромный кузнечик, перескочит через прилавок и покусает

ет меня. Кажется, у старичка на губах даже пена показалась. На всякий случай я сделала пару шагов назад. Огляделась по сторонам и равнодушно пожала плечами:

— Здесь, вроде бы рынок — все продают и покупают. Не надо так волноваться.

И отошла под громкое бормотание:

— Ходят тут всякие, вдохновение распугивают!

Кисть старика при этом, скорее, била по холсту, чем скользила. М-да, вдохновение, оно такое! Чувствуя легкий дискомфорт из-за того, что потревожила талант за работой, я хотела отправиться дальше, но тут меня осторожно тронули за плечо. Я обернулась. Это был тот самый парень, что окликал меня в начале ряда.

— Мой сосед заказов на вывески не берет. А вот я беру. Для таких красавиц очень недорого. Позвольте представиться, Клод Фокс.

Я вздохнула, вот назойливый! Мнения о рыжим типе с замашками дамского угодника менять не спешила. Что ж, приценимся.

— Очень приятно. Я Тера Эдденби. И за сколько возьмется изготовить вывеску с надписью и небольшим несложным рисунком, мастер Фокс?

— Вижу, вы деловая особа, госпожа. Пройдемте к прилавку, я покажу примеры своих работ.

Ясно. Цену станет набивать. Но делать нечего, я поплелась за художником — нужно же посмотреть, на чем сойдемся.

У лотка мне продемонстрировали альбом с магизображениями оформленных фасадов магазинов и лавочек. Я впечатлилась: вывески, витрины, все выглядело благородно и уместно. Нда, такая работа стоит приличных денег. Назвала примерные размеры и сообщила, что нужна скромная вывеска, так как я только начинаю бизнес.

Художник вздернул бровь.

— Так готовится открытие? Вы говорите, магазинчик косметики? И где он расположен?

Я ответила, и мастер поморщился, словно от дурного запаха.

— Ох уж эти уродливые ряды Маню! Не самое удачное место для вашего товара, но понимаю, что вам выбирать не приходилось.

— Да, в средствах я очень ограничена.

— Тогда предлагаю сделку.

Я сразу напряглась, и молодой человек это заметил.

— Не волнуйтесь, госпожа Эдденби, ничего неприлично-го. Я оформляю вам фасад. Создаю вывеску, а также небольшую иллюзию на витрину — это всегда привлекает покупателей.

Я обомлела. Магия преобразования — мощнейшее средство рекламы. Я о таком и мечтать не могла!

— Но во что это обойдется?

— В несколько часов вашего времени. Я хочу нарисовать ваш портрет. Будете позировать мне в мастерской. Может

быть, даже обнаженной. Ну как, согласны?

На время речь покинула меня. Нахал! Я была права! Но тут волшебное слово «иллюзия» заслонило возражения моей скромности.

— А что вы будете делать с этим портретом? — осторожно спросила я.

Фокс откинул голову и рассмеялся.

— Сразу видно женщину с деловой хваткой. Другая бы завопила, что это неприлично.

— Но все-таки, что?

— Продам за княжескую сумму, конечно. Так что сделка равновесная. Если вы, конечно, не разоритесь.

Я сложила пальцы в отводящий беду знак: «Не дай Шандор!».

— Вы всем дамам предлагаете подобное?

— Нет, что вы! — притворно ужаснулся художник. — На прошлой неделе я декорировал салон лучшей портнихи в городе. Дама весит примерно центнер, и мне бы и в голову не пришло писать ее, даже если бы она просила. Но модель с по-настоящему благородной посадкой головы не встретишь так часто, как хотелось бы. А ваши руки... — Рыжеволосый уставился на кисти моих рук, которые свободно лежали на прилавке, словно перед ним была драгоценность. — Это шедевр!

Я, краснея, трусливо спрятала руки за спину. Фокс наградил меня насмешливым взглядом.

— Ну, так что, госпожа Эдденби? Решаетесь?

— Да, но у меня есть условия.

— Какие же?

— Вывеска нужна мне в ближайшую неделю. А портрет будете писать позже, уже после открытия. Сейчас я страшно занята подготовкой. — Художник поморщился, но кивнул.
— И еще одно. Картина должна быть приличной не по вашим, а по моим понятиям.

Ударили по рукам.

Я последовала дальше. При мысли, что господин Фокс придет завтра, чтобы снять размеры для вывески и витрины, я немного приободрилась, ведь важная проблема с внешним оформлением разрешилась весьма благоприятным образом. Правда, тревожил вопрос с позированием, но я решительно отбросила опасения: вот попаду в мастерскую художника, тогда и буду волноваться.

Миновала торговцев коврами и тканями, и оказалась в посудном ряду. Для работы мне требовалось несколько фаянсовых пиал для смешивания ингредиентов, а также каменная ступка, так что я внимательно присматривалась к прилавкам и полкам, забитым чашками, тарелками, чугунками. Здесь были представлены как хрупкие и изысканные фарфоровые сервизы, так и грубые глиняные плошки. Товар на любой кошелек и вкус. Но покупателей было немного, и продавцы скучали, считая мух и гоняя шнырявших между рядами мальчишек.

Я не спешила с покупками. Присмотрела ступку из черного полированного кристаллита. Приценилась к приглянувшимся пиалкам. Торговаться здесь не захотели, потому я пообещала вернуться, когда посмотрю товар у других продавцов.

Дойдя почти до конца ряда, я приобрела-таки белые

неглубокие фаянсовые мисочки по очень невысокой цене. Хотела вернуться за ступкой, но тут взгляд упал на тарелки с искусной росписью. Знакомая посуда — у мамушки Гоблин в трактире что-то подобное. Белая глина, покрытая гладкой глазурью, а по ней волшебные, словно с другой планеты, цветы. Будто загипнотизированная, я подошла поближе. Из-за прилавка на меня смотрела блондинка с пестрым от веснушек лицом.

Я взяла тонкую мисочку, провела пальцами по шершавому дну, оценила гладкость и совершенство глазури на боках и внутри.

— У нас особая глазурь, госпожа, — словоохотливо поделилась девушка. — Разработана еще моим дедом. Мы добавляем магию земли и камня, закаляем в огне и воде, остужаем на свежем воздухе. В наших изделиях магия всех четырех стихий, потому они не бьются при падении. Можете попробовать, если не верите!

Четыре стихии? Вот это да! Значит, если это правда, составы, запечатанные в эту керамику, не будут подвергаться изменениям или впитываться в пористую структуру глины.

— Благодарю, я оценила посуду в трактире у мамушки Гоблин. Колоритные узоры, есть из таких тарелок одно удовольствие!

Простоватое, но приятное лицо моей собеседницы просияло от похвалы.

— Вы правы, это наши изделия. Мамушка — одна из глав-

ных заказчиц. Жаль, что не всем здесь по вкусу старинный южно-ильский узор. Во времена деда наша посуда была в каждом доме Винсента, а сейчас горожанам по вкусу заграничные хрупкие плоски. Мода!

— Мода проходит, по-настоящему хорошие вещи остаются. Скажите, а как глазурь реагирует на магические составы? Можно ли их хранить в вашей посуде?

Девушка вскинула светлые бровки и крепко задумалась.

— Мой папенька хранит составы для закалки в наших же горшочках. А те страсть какие магические!

Из дальнейшей беседы я поняла, что женщин в семье Крили не допускают до тайн мастерства. Всем, что касается производства занимается отец Веро и ее старшие братья. Девушка только продает посуду на рынке. Объяснив, что нуждаюсь в таре для товара, я получила адрес мастерской и приглашение, зайти завтра в полдень, чтобы переговорить с самим мастером.

Идея белоснежных керамических баночек-бочоночков для крема захватила меня. Если удастся сойтись в цене, можно будет заказать защитные мембраны и пластиковые колпачки. Получится прекрасно. Розничная цена простой миски пятьдесят хилдо. Неужели за партию крохотных баночек мастер заломит огромную цену? От волнения сердце билось часто-часто. Я пообещала прийти завтра же и попрощалась с Веро.

Часовой артефакт показывал второй час дня. Я купила во-

жделенную ступку и с потяжелевшей сумкой в руках поспешила в мясной ряд. По дороге обзавелась небольшим ящичком, оборудованном холодильными артефактами; пришлось отсчитать целых пять золотых. Он переносной, и запас свежего мяса легко будет перемещать из комнаты над трактиром в лавку, чтобы Мяу не страдал и не воровал у доброй мамушки. В недра коробки из легкого металла я поместила пакет с двумя килограммами свежайшей вырезки ханна — еще на два золотых.

Пора было отправляться на розыски магического департамента, чтобы прийти заранее и лишить противного задаваку, то есть лорда-инквизитора, оснований вредничать. Хотя такой с удовольствием будет делать это и без повода.

Пользуясь советами прохожих, я вновь свернула на улицу Храма. Миновав ряд торговых кварталов, очутилась в самом центре города. Здесь располагались роскошные особняки знати, окруженные садами, а также дорогие магазины с зеркальными витринами, будто с картинки. Вдали виднелись массивные башни герцогского замка. Наконец, я вышла на широкую, замощенную плитами площадь. Мне указали на здание в шесть этажей справа от круглой Портальной башни. Стоя у внушительных дверей, я не без уважения читала таблички, указывающие, что здесь помещаются сразу несколько важных ведомств. Первые два этажа занимал отдел градостроительства и охраны, на третьем располагалось сыскное управление. Следующие два — департамент по налогам. Ма-

гическое ведомство помещалось под самой крышей, на шестом. Я сморщилась, представив, что придется карабкаться под небеса по лестнице. Уф, бедные мои ноги!

Однако карабкаться наверх не пришлось. В светлом вестибюле швейцар осведомился, по какому я делу, а, узнав, что мне назначено у лорда-инквизитора, провел прямо к кабинке подъемника. Не без внутреннего содрогания я ступила в обитую бархатом и зеркалами коробочку — страшно-вато доверять свою персону какому-то механизму, особенно впервые в жизни. Но глупая гордость не позволяла идти на попятную и спрашивать, нельзя ли подняться по лестнице. В тот момент, когда улыбчивый старичок в ливрее с блестящими нашивками собирался нажать на большую кнопку на стенке кабинки, от входа послышалось повелительное: «Постойте». Рука швейцара послушно замерла, он дернулся и отскочил, давая дорогу еще одному пассажиру.

Я подняла глаза и узнала его светлость герцога Винсентского. А, любитель винных бутылок!

— Думаю, мы поместимся вдвоём со съеррой.

Против воли я отметила, какой приятный для слуха баритон у этого негодяя. А улыбка...

Герцог высок и плечист, и с его стороны было большим оптимизмом надеяться, что мы поместимся вдвоем в такой тесной кабинке. Я прижалась спиной к мягкой стенке, но все равно казалось, что мужчина опасно нависает надо мной. Мой враг...

— Я хотела бы п-пойти по лестнице, — пролепетала я.

Но герцог уже нажал на кнопку с циферкой «3». Механические двери поползли навстречу друг другу, скрывая от нас вестибюль и швейцара. У меня на лбу выступила испарина — все эти чудеса магтехнологий, конечно, замечательны, но я бы предпочла любоваться на них снаружи, а не во чреве гигантского механизма.

— Простите, я не спросил, какой этаж нужен вам?

— Шестой.

Герцог повернулся к кнопкам, выбирая нужную. Он снова навис надо мной, и я невольно вдохнула запах бергамота и кожи с дымными, глубокими нотками смолы и меда. Как профессионал, не могла не оценить этот аромат, он подчеркивает мужественность данного экземпляра и, несомненно, идет самоуверенному владельцу провинции.

Пол под ногами завибрировал, кабинка дернулась и медленно, почти неощутимо, пошла вверх. Я вонзила ногти в ладони, стараясь, не показывать страха. Взгляд приклеился к одной из пуговиц на камзоле полувоенного покроя из темно-синего сукна. Чтобы отвлечься от мыслей о том, где я нахожусь, сосредоточилась на спутнике. Попыталась вызвать привычную неприязнь, но почему-то не получилось. Папа описывал опасного и хитрого хищника. Однако вот он передо мной — красивый молодой человек со светлой, чуть насмешливой улыбкой и копной шелковистых, падающих на лоб кудрей богатого каштанового оттенка. Наверное, я со-

вершенно не разбираюсь в людях, если не могу предположить, что этот человек безжалостно пустил по миру родственника.

— Извините, милая сьерра, мы с вами где-то встречались недавно? Может быть, на балу в ратуше?

Не помнит? Это к лучшему. Ну не признаваться же, где он видел меня на самом деле! Статус сразу упадет до «девушки из таверны», а там — кто знает, какие вольности позволит его светлость в отношении простолюдинки? Не поднимая взгляда, я угрюмо мотнула головой, чем дала понять, что не желаю беседовать ни на какие темы. Остаток пути прошел в молчании. Выходя из кабинки на нужном ему этаже, герцог отвесил учтивый поклон.

— Светлого дня, прекрасная сьерра!

Я не ответила, уstraшенная видом медленно сходящихся вместе дверей. Какой псих придумал эти подъемники? Пока кабинка преодолевала три оставшихся этажа, я вся извелась. И когда дверцы, наконец, раскрылись, я выскочила из бархатной коробочки и поклялась, что больше ни за что и никогда не подвергну себя подобным испытаниям!

Отдышавшись, осмотрелась по сторонам. Я оказалась в светлом коридоре, красиво отделанном мрамором сливочного цвета в сочетании с темным деревом. Вправо убегал безлюдный проход со множеством дверей, а слева угадывалось большое, наполненное светом помещение. Туда я и направилась, рассчитывая встретить кого-то, кто подскажет, куда

идти.

Приемная поразила меня даже сильнее, чем подъемник. Наружная стена была стеклянной, и открывающийся вид на залитый солнцем Винсент с его нарядными зданиями и садами, тронутыми осенними красками, был потрясающим. Я застыла, охватывая восхищенным взором чудесную панораму, и краснощекому юноше за стойкой пришлось позвать дважды, прежде чем я заметила его.

Я отрекомендовалась, что лорд-инквизитор назначил мне прийти к трем часам дня. Паренек недоверчиво оглядел меня.

— А их сиятельство говорили, что придет ведьма... — пробормотал он и осекся. Покраснев, словно томат, секретарь проворно выбрался из-за стойки и юркнул в кабинет своего начальника.

На лакированной табличке рядом с массивными дверями из темного дерева значилось: *«Корд ди'Хеллиг, главный инквизитор провинции Винсент, Ильс»*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.